

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

ЗЕМЛЯ
В ИЛЛЮМИНАТОРЕ

ЭКСМО

Юрий Иванович

Земля в иллюминаторе (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Иванович Ю.

Земля в иллюминаторе (сборник) / Ю. Иванович — «Эксмо»,
2013

С давних времен разумные существа любили развлечься охотой, но рано или поздно любое цивилизованное общество признает охотников браконьерами и беспощадно борется с истреблением природы. Но куда девать тех, в ком охотничий инстинкт сильнее рассудка и страха наказания? Пожалуйте на планету со звучным названием Бельмо, где полным-полно диких, злобных хищников и где за большие деньги можно поохотиться раз в году... Выпрыгнув из подпространства, корабль Хеба оказался на орбите незнакомой голубой планеты, но пилоту некогда было пялиться в иллюминатор. Оказавшаяся неподалеку полицейская шхуна немедленно открыла огонь. Хеб не остался в долгу... Беззвучный космический бой завязался над Землей, жителям которой не было до этого никакого дела. Их интересовали свои мелкие проблемы. Какой там Космос, когда начальник устраивает новогодние розыгрыши, от которых выть хочется... Эти и другие потрясающе смешные истории в новой книге признанного мастера фантастики!

© Иванович Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

И во вчера не возвратиться	6
Да здравствует капотралус!	20
Раз в жизни	24
Сказка – ложь, да в ней...	29
Человек, который умел слушать	35
Соленый огурец	42
Фантазмагория предназначения	52
Хохочущий Шилимбо	59
Алкоимитатор	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Юрий Иванович

Земля в иллюминаторе (сборник)

© Иванович Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

И во вчера не возвратиться

Возить с собой небольшой запас топлива приучил мой отец. Старый водила, всю жизнь за рулем, консервативен и пунктуален до чертиков. Он много еще чему меня учил. Но почти все изменилось, или позабылось, или стало ненужным. А вот топливо...

Всегда у меня в багажнике валялась двухлитровая канистра из-под масла, наполненная соляркой. На первых машинах я таскал за собой бензин, на более поздних, дизельных – солярку.

И ночью мне это пригодилось. Давно меня так транспорт индивидуальный не подводил, давно. Стрелка показывала треть бака, когда мотор неожиданно снизил обороты. Еще метров сто я пытался въехать на пологий подъем, и мне это удалось. Явно чудом. Но площадка там была. И вполне пригодная для остановки. Куда я и въехал рывками.

Ругаясь нехорошими словами, я выскочил в туманную ночь и бросился к капоту. Надо же! И так глаза слипаются от усталости, а тут еще какая-то гадость в топливную систему попала! Не везет, так не везет! Вторую ночь почти без сна! Эти крутые горные повороты опротивели до рвоты. И до ближайшего городка с заправкой оставалось километров шестьдесят. Всего-то! По карте... Как мечтал я туда попасть, завалиться в любой мотель и вырубиться на мягкой кровати!

А тут эта... тьфу ты, напасть!

Но минут через пять я обнаружил, что топливная система в порядке. А вот солярка не поступает! Простелил старый кусок брезента (тоже: большое спасибо отцу), залез под днище и почти окоченевшими руками открутил нижнюю пробку бака. В свете фонаря оттуда выпало несколько капель да несколько песчинок. Вполне чистая система, зря я на нее так некрасиво ругался. А вот датчик! Нехорошие слова раздались в ночи с новой силой!

Достал свой запас. Залил. Подкачал ручным насосом. И задумался. Два литра – мало. Куда я на них доеду? До городка точно не дотяну! Но зато возле него, возможно, появится связь на мобильном телефоне. А если еще выключать мотор на спусках? Плевать мне на правила! Спать хочу! И не в машине, скрючившись от холода, а как человек: в нормальной кровати. Значит, протяну как можно дальше. Может, там и движение оживленнее? А то здесь, такое впечатление у меня сложилось, вообще никто не ездит.

Может, отойти в сторону? Тогда связь появится? Ведь так в горах бывает: заехал за скалу, телефон и отключился.

Я тут же выскочил из машины в сгущающийся туман и стал обходить площадку по периметру. Ни черточки не появилось на табло телефона! Зато чуть голову не расшиб! Столб был старый, покосившийся, но! На нем было два знака. Один большой: с бензоколонкой и кроватью внизу. Второй поменьше, с обозначением километража. «118». Под нарисованной бензоколонкой еще была выцветшая стрелка вправо и тусклые цифры: «100 м».

Вот так! Чем оправдать свою неосмотрительность? В прямом смысле слова? Только излишней сонливостью. Потому как обзывать себя безмозглым будет совсем незаслуженно и обидно. До такой степени я никак не самокритичен.

Я, конечно, прекрасно знал подобные заправки. Они и в дневное время редко работали. Но койка! Это ведь минимум мотель! А уж утром я лично вытрясу из любого водителя так недостающие мне три литра солярки. Тем более, и это самое главное, здесь всего-то сто метров! Если бы не туман, давно увидел бы огни. Закрыл машину и бегом! Холодно ведь. Температура явно падала.

Дорога узкая, двум легковушкам и не разминуться. С одной стороны обрыв, с другой – нависающие скалы. Но крепкая, ровная, асфальтированная. Со стороны обрыва даже столбики бетонные. Анахронизм, но милый.

И уже через пятьдесят метров я увидел свет. Зеленый с белым. Неоновая вывеска ровным сиянием оповещала о наличии мотеля.

К машине я возвращался еще быстрее. Взбодренный мыслью о предстоящем чаепитии. Да, только чай! Кофе мне уже поперек горла стоит! И поперек желудка! Один... нет, два бутербродика с чем угодно, и в горизонтальное положение! Расслабиться, вытянуться во весь рост... Нет, еще сто граммов коньяка! Надо отвлечься. Забыть про езду и дорогу. И под душ! После него лучше спится.

Сглатывая обильные слюнки от представленного чаепития, вломился в собственную машину, как в чужую. Мотор завелся после третьего визга стартера, и я дал полный газ. Чего теперь экономить? При ближнем свете фары выхватывали только мокрую полосу асфальта перед капотом. Вот почему я не заметил знак сразу. При полном освещении, в тумане, ехать сложнее.

Сто метров позади. Перед глазами довольно внушительная площадка. Может даже трейлер развернуться. Слева под навесами две колонки. Естественно, зачем в такой дыре больше? А завершает огромную площадку величественный фасад двухэтажного дома. Островерхая крыша теряется в тумане. Чердак наверняка еще на два этажа потянет. Одной стеной дом притерся к скалам. Другой завораживающе навис над обрывом. Надо же так построить! Вот только где же хозяева? Дрыхнут, небось! Ни души! Ни движения!

Я открыл дверь со своей стороны, высунулся наружу для лучшего обзора и посигналил. Длинно и громко. И странное эхо усилило звуки. В таком тумане? Меня словно ждали: свет на втором этаже, в одном из трех окон, зажегся моментально. Потом в одном окне первого этажа. Наконец и над входной дверью загорелся стилизованный под старину фонарь.

Не мешкая, я припарковал машину в наиболее удобном месте. Пока шел к входу, сырость буквально пролезла под одежду. Даже дышать стало трудно. Ну и погодка мерзостная! Даже не припомню такого в моей жизни.

Я уже собирался постучать в дверь, как она распахнулась перед моим носом. На меня дохнуло жильем. Кухней, уютом... и еще чем-то.

И это что-то стояло в снопе света, освещающем фигуру со спины. Поэтому я не мог вначале рассмотреть ни ее лица, ни даже цвета кожи. Так как на ее плечи было накинуто большое и мохнатое покрывало. Но в том, что это женщина, сомнений у меня не возникло. А когда она заговорила, я понял, что она еще и молодая.

– Заходите быстрее, если уж разбудили. Холодно ведь!

Признавая в душе ее правоту, я быстро шагнул вовнутрь. Даже поздороваться не сообразил. Услышал за спиной хлопок закрывшейся двери и только тогда сбросил с себя оцепенение:

– Доброй ночи вам! Уж извините за такое вторжение. Да ведь в дороге всякое случается...

– Доброй ночи. Хотя если судить по погоде... – девушка обогнала меня и пошла вперед по широкому коридору. Тот наполовину был заставлен упакованными картонными коробками. – Проходите в столовую. И не ударьтесь о ящики: собираемся переезжать. Почти все добро сложили. Хотите комнату?

– Да, и не просто хочу: даже вынужден просить приюта. Усталость с ног валит.

– Выглядите вроде молодо, – пошутила девушка и мило улыбнулась, – а с ног валитесь, как старик!

Мы вошли в огромную столовую, дальняя стена которой являлась барной стойкой. За стойкой виднелась дверь, ведущая, вероятно, на кухню, и зеркальные полки, уставленные неисчислимыми бутылками со спиртным. А вот правая стена поражала. Во всю высоту ее пронзали, словно молнии, витражные окна. Я помнил, что с той стороны обрыв. Но что можно было рассмотреть в такую погоду? Правильно: ничего! Поэтому я во все глаза рассматривал девушку. Она была очаровашка! Личико, как у лесной феи или привлекательной сирены. Она продол-

жала кутаться в свою несуразную одежду, поэтому фигуру рассмотреть не удавалось. Но я и так не мог оторвать взгляд от ее улыбки.

- Комната готова у нас всегда. Там же рядом душевая. Еще чего-нибудь?
- Можно от вас позвонить?
- Уже два дня, как линия связи отключена. Из-за нашего отъезда.
- Жаль, мобильник мой в горах бесполезен. Можете мне сделать чаю?
- Да сколько угодно!
- И несколько бутербродов...
- С чем? – заметив мои колебания, предложила: – Есть тунец, хамон, сыр, лосось, салями.

Тортилью можем подогреть.

- Нет, нет, спасибо! Мне только два с сыром и два с лососем.
- Ты слышала, Кармен? – спросила девушка у кого-то за моей спиной. Я резко обернулся и увидел другую девушку. Худощавую, стройную, с короткой стрижкой. Она была одета в темные брюки и в плотно обтягивающий свитер до самого подбородка. Вошедшая красавица как раз закрывала дверь по левой стороне столовой. И там виднелась деревянная лестница, ведущая вверх. Видимо, в комнаты для отдыхающих. На ее лице читалось плохое настроение, приветливой улыбкой там и не пахло.

– Слышу! – она тут же отправилась за стойку бара. – А ты долго так будешь красоваться? – она указала глазами на мохнатое одеяло.

– И еще чаю господин хочет! – девушка продолжала улыбаться, совсем не обращая внимания на строгость в ее адрес.

– И соларка мне будет нужна! – совсем невпопад ляпнул я. – На последних каплях сюда доехал. – На мои слова обе девушки застыли, как изваяния. Только и смотрели на меня широко открытыми глазами. Не понимая, что их так удивило, я вновь добавил невпопад: – А имя Кармен (ударение на первом слогe!) мне нравится больше всех!

Почему я в этом признался? Понятия не имею! Но это правда! Хоть даже девушки я никогда не имел с таким именем. Даже более или менее знакомой. А тут вижу только пять секунд и уже проболтался! Но зато какая награда меня ожидала! Кармен вдруг улыбнулась мне. Да как! Слово я был для нее самым близким и желанным человеком на земле. Не меньше.

Теперь я замер, как вкопанный. Зато строго заговорила первая девушка:

– Заправка уже не работает, полностью отключена. Но если вы сумеете залить соларку из канистры, то их еще несколько стоит в подвале.

– Конечно, без проблем! – я присмотрелся к нахмуренному личику, еще недавно такому веселому, и понял, что девушка дурачится! И изо всех сил сдерживается от смеха! Но голос был чуть ли не злобный:

– И не вздумайте приставать к моей кухне! Она девушка очень честных правил!

– Палом! – воскликнула Кармен. – Я за себя сама могу постоять! Покажи лучше господину его комнату. А я пока вскипячу воду для чая и сделаю бутерброды.

– Ага! Тебе бы только командовать! – опять улыбнувшись, произнесла девушка и, дождавшись, когда кухня повернулась к ней спиной, показала язык. И так мне томно стало от этой проказы! Так что-то и замерло в душе! Слово в ожидании чего-то. Да еще и имя! Палом! Оно мне тоже нравилось. Не так, конечно, как Кармен. Но очень сильно. У меня в раннем детстве подруга была. Соседка. С таким же именем.

А девушка прошла мимо меня и стала открывать дверь, ведущую к лестнице наверх. Взялась за ручку, а мохнатое одеяло и соскользнуло с плечика. И открыло розовое и молодое тело почти по пояс. Обнаженное! Вот тогда я и вздрогнул основательно. А низ живота вообще

¹ Голубка (исп.).

защемило. Палома была хоть немного и полноватая, но какое у нее было манящее тело! Как хотелось хоть мизинцем прикоснуться к ее упругой и сладчайшей коже!

Одно мгновение – и одеяло снова скрыло от меня невероятные прелести. Даже не знаю, как я поднялся наверх и вошел в открытую для меня дверь моей комнаты.

– Полотенце и халат в шкафу! – услышал за своей спиной голос Паломы. – Там же удобные тапочки. Новая зубная щетка в тумбочке. Паста и мыло есть в душевой. Она слева, в торце коридора.

Пока я соображал, что делать: благодарить или задавать вопросы дальше, все стихло. Обернулся: никого! Словно наваждение. Я шумно вдохнул воздух. Нет! Она только что здесь стояла! Мои ноздри уловили приятный запах чистого женского тела. А куда же она делась? В коридор выходило еще целых четыре двери. Я представил, как стучусь во все двери и задаю глупые вопросы, и мне стало стыдно. Тем более что ни одного, пусть и глупого, вопроса я не мог придумать.

Бегло осмотрел комнату. Тумбочка, большое зеркало. Стенной шкаф. И просто потрясная, огромная кровать. Неимоверно жалко, что я один буду на ней спать.

Уныло побрел вниз. Там меня ждали запах заваривающегося чая и новая, сногшибательная улыбка Кармен. Про Палому я тут же забыл. Но не совсем. Просто в сознании осталась уверенность, что она где-то наверху. И никуда до утра не денется. А вот другая красавица здесь, напротив. За стойкой бара. И с какой улыбкой!

– Я сделала «большой» чай. Вам хватит?

– Мало! Еще как минимум такой же. Умираю от жажды! – было в моем утверждении нечто лживое. Может, я уже умирал от другого? Главное было дать ей больше работы и придумать подходящую тему для беседы. – А... это, много у вас посетителей?

– Уже почти никто и не заезжает. Знают, что мы закрываемся.

– Такое неповторимое и уникальное место! Днем здесь наверняка дух захватывает от красот?

– Когда здесь родился и вырос, то все обычно, серо и однотонно. Да и места здесь дикие, – девушка многозначительно глянула в окно, выходящее на обрыв, – совсем безлюдные.

– И не страшно? – созерцание лица моей собеседницы перекрывало все удовольствие от поглощения горячего чая. А уж бутерброды я поглощал, даже не замечая, с чем они.

– Никогда об этом даже не задумывались. – Кармен быстро и ловко готовила мне еще одну большую кружку чая. – Да и с моим отцом ничего не страшно. Он хоть и диктатор, скандалист и ужасно шумный, но нас любит больше всего на свете. И никогда в обиду не давал.

– И где он сейчас? – моя рука зависла над очередным бутербродом.

– Поехал в новый дом. Там просто уйма всяких недоделок. Обещал завтра к вечеру за нами приехать с грузовиком.

– А... это, – я никак не мог придумать следующего вопроса и сделал вид, что тщательно пережевываю пищу. Глянул на батарею бутылок: – О! Я же коньяка хотел! Для лучшего сна! Будьте добры, «Торрес», десятилетний!

Девушка тут же поставила на стойку фужер, но я, плюнув на все приличия, сам от себя подобного не ожидая, предложил:

– Кармен! И себе налейте! Чего хотите! Выпьем за ваш удачный переезд!

Она резко повернулась, пристально посмотрела мне в глаза и вдруг улыбнулась:

– За это можно! Если вы желаете от всей души...

– Конечно, от всей! – подтвердил я, глядя на струйку льющейся темной жидкости. – И лосось еще есть?

– Остатки, но нам хватит, – успокоила она, поднимая фужер и рассматривая его на свет. – Последняя ночь... Даже не верится!

– Жизнь всегда меняется только к лучшему! – я поднял свой коньяк, салютуя в ее честь.

– Всегда ли... – произнесла Кармен с какой-то глубокой грустью и выпила резко, до дна. Затем достала из старого, совсем древнего холодильника нарезанный лосось и выложила его на тарелку. На другую добавила хлеба. И предложила: – Может, чего-то сладкого?

И вот тут-то я совсем охамел. Или с ума сошел? Или недосыпание изменило мое логическое мышление? Но я сказал на полном серьезе:

– Возле такой женщины, как вы, любое сладкое покажется соломой! – и замер. Все больше и больше утопая в ее снисходительной и прелестной улыбке. Затем очнулся и предложил: – Давайте еще коньяка выпьем? Только, чур, наливать буду я! Тем более что угощаю.

Кармен согласилась так легко, будто сама хотела предложить то же.

– Так и быть, наливайте! – и поставила бутылку на стойку. – Все равно меня алкоголь не берет!

– Неужели? – я даже замер от удивления.

– В разумных для женщины пределах, разумеется! – засмеялась девушка. – Мой тормоз всегда срабатывает в нужное время.

– Это хорошо! – похвалил я. Но про себя думал совсем о противоположном. Но вряд ли удастся ее подпоить. Хотя во второй раз налил гораздо больше, чем она.

– А за что сейчас выпьем? – если Кармен и заметила мои ухищрения, то виду не подавала.

– Предлагаю – за чудо! Ведь то, что я сюда попал, – самое настоящее чудо. А уж встретиться с вами и подавно. Такое даже представить невозможно.

Целую минуту девушка молчала. Посматривая по сторонам немного рассеянным взглядом. Затем заговорила. Словно размышляя.

– Да, это чудо. Но скорее из-за того, как вы здесь оказались. Ведь если бы вы сюда не приехали, то чудо этой ночи не состоялось бы. Миром управляют самые невероятные взаимосвязи. Сколько необходимо составляющих для события? Миллионы! А для чуда? Миллиарды! А для уникального чуда? – она сделала паузу. – Отвечайте! Как, по-вашему? Сколько?

– Всего одна составляющая, – засмеялся я. – Это поломанный датчик!

– Слишком просто. – Кармен вдохнула аромат коньяка трепетными ноздрями. – Но за чудо стоит выпить!

И мы опорожнили наши фужеры. Второй раз коньяка было больше. И моя голова это почувствовала сразу. Конечности одновременно как бы и согрелись, и перестали ясно ощущаться. Они сбрасывали с себя тяжесть длительного пути. Отходили от одной, надоевшей им позиции. И тело стало командовать: спать! Но оно ошибалось в стратегии. Надо было предварительно закрыть глаза. А те оставались открыты. И смотрели только на прекрасную девушку. И давали телу совсем другие команды. Тело в данный момент не смогло воспротивиться глазам. А мои руки уже ловко разливали коньяк по фужерам.

– За что сейчас выпьем? – спросила Кармен, с одобрением глядя, как очередной кусочек хлеба с лососем исчезает под ударами моих челюстей.

– Теперь ваша очередь! – схитрил я. – И предлагаю перейти на «ты». Нет возражений?

– Никаких! – девушка что-то вспомнила и достала глубокое блюдо с оливками. – Мне они очень нравятся. Угощайся! А выпить предлагаю за исполнение желаний!

– Ну нет! Так не пойдет! – протестовал я. – Во всех компаниях этот тост самый последний!

– А это и есть последний! – ответила она твердо.

– Почему?

– Мой тормоз уже и на эту порцию смотрит с осуждением! – объяснила Кармен. – Да и тебе надо быть в норме! Излишняя сонливость – плохой помощник за рулем.

– Да для меня и вся бутылка – пустяк! – захотелось похвастаться до обидного. – Несколько часов сна, и я, как свеженький, вновь несусь по дороге!

– Если бы все упиралось в дорогу... – не понятно к чему пробормотала девушка. И странно при этом улыбнулась. – Так ты не хочешь пить за исполнение желаний?

– Обижаешь! Хочу! – мы соприкоснулись фужерами и выпили до дна. И тут же мою собеседницу словно подменили. Улыбка сошла с ее прекрасного личика. Бровки нахмурились. Взгляд озабоченно метнулся в сторону огромных настенных часов. Голос стал сух и официальный:

– Еще чего-то хочешь?

– Да нет... – я даже растерялся от такой перемены.

– Тогда всего хорошего! Комнату свою ты сам найдешь. Душевую тоже.

И, ни секунды не дожидаясь моего ответа, скрылась за дверью, ведущей на кухню. А я так и замер с пустым бокалом в руках. Затем тяжело вздохнул и хотел поставить его возле бутылки. Но замер. Бутылки не было! И когда она только успела убрать ее на место? Вон она стоит. На полке. От расстройства я бы себе еще налил. А то и не раз. Но сейчас... Хм! Не повез-ло! Явно!

Еще с минуту посокрушавшись над судьбой, встал и поплелся в свою комнату. Полотенце нашел там, где и было обещано. В шкафу. Целая простыня, а не полотенце. Щетка тоже была на месте. Я грустно повертел ее в руках. И тут взгляд упал на мое отражение в зеркале. Чуть ли не смешно стало. Ну и вид у меня пришибленный! Лашпэк! Тютя! А ну, плечи шире! Живот втянуть! Улыбка!

Во, уже лучше! А теперь: бегом под душ!

В первую очередь почистил зубы над умывальником. Щетина отрасти не успела, да и плевать на то, что есть она или нет. Так что бритье – процесс необязательный. Кабинка душа напоминала небольшую комнатку. Возле стены деревянная скамейка для удобства. А какой сильный напор воды ринулся сверху из крупных дырочек душа! Вот это – настоящий массаж! Когда горячие иглы впились в мое тело, то я чуть не закричал от удовольствия и укулов одновременно. Рыча от восторга, я подставлял под упругие струи разные части тела, постепенно укутываясь паром с головы до ног. Шум от бегущей воды и моего фыркания создавался порядочный.

Поэтому я вначале не поверил своему слуху. Но дверь кабинки явно отъехала в сторону. И я замер, прислушиваясь. В тот же момент моих лопаток коснулись чьи-то руки. А еще через секунду женский голосок проворковал:

– Могу потереть спинку усталому путнику... – мое дыхание сперло, и я застыл от узнавания: «Палома!!!» Ее ручка тем временем прошла по позвоночнику вниз, а вторая коснулась моего живота. Я вздрогнул. Несмотря на окаменевшее состояние. Вернее содрогнулся. Как скала от землетрясения. И очень медленно стал поворачивать голову на непослушную шею. Ладонь с живота переместилась ниже и встретилась с другой окаменелостью. Которой еще три секунды назад там не было. Другая ладошка поспешила на встречу с первой, а спиной я почувствовал чуть ли не царапающий укол возбужденных и торчащих сосков. Моя голова наконец-то совершила нужный поворот, и мои глаза встретились с глазами Паломы. В них горел вулкан! Мои губы сами притянулись к ее зовущим губам. И в мой рот вонзился раскаленный солнечный протуберанец.

Сколько времени прошло в страстных и безумных ласках? Не помню... Не знаю... Да и не хочу знать! Все совершалось без слов! Прекрасно и неповторимо! Словно в последний раз в жизни. Да! После такого можно умирать! Смело! Ну, по крайней мере, не жалко будет прожитой жизни. Не бесцельно, значит, она прошла!

Следующие слова были произнесены при выходе из душевой:

– Ложись! Я скоро буду! – Палома пылко подставила губы. Тут же оторвалась и вытолкала меня в коридор.

Я плохо соображал. Меня мотало необычайной легкостью и опустошением. В голове было просторно и светло. Мыслей – никаких! Только на всем теле воспоминания от ее прикосновений. Да от колючих струй воды.

Ноги подгибались. Руки дрожали. Но я нашел силы, чтобы войти в свою комнату. Войти и замереть. Вернее: вторично окаменеть. И ниже живота тоже. Ибо в моей кровати лежала Кармен. Обнаженная. Неземная. Божественная. И на губах ее играла манящая, поощрительная улыбка.

Никогда не мог подумать, что после любви в душевой мое тело будет на что-то способно еще. Оно меня удивило! Словно и не мое! Словно я месяц, а то и больше не был с женщиной. И с какой женщиной!!!

Что мы только не вытворяли! Слова бессильны отразить накал чувств, пыла и наслаждения. Мне припомнилось, как внизу Кармен упоминала о наличии у нее тормозов по поводу алкоголя. Так вот! В сексе у нее тормозов не было! Как в трековом велосипеде! Только вперед! Только быстрее! А если останавливаться, то только по длительной инерции.

Входя в свою комнату, я думал о недаром прожитой жизни. После слияния с Кармен я изменил свое мнение. Вот теперь, да! Теперь можно сказать, что познал в жизни все! Самое лучшее и великое! Самое сладостное и волнующее! Самое прекрасное и неповторимое!

И так я ошибался до той минуты, когда в мою комнату вошла Палома. Она восторженно расширила свои прекрасные глаза и воскликнула:

– Как у вас здесь тепло! – и в следующий миг уже три тела сплелись на доставшейся мне кровати.

Умирают ли мужчины от ласки? Уверен, что да! Теперь уверен. А мог ли умереть я? Вполне! Мне кажется, я даже уже был на пороге другой вечности. И такая мне открылась благодать! И такие немыслимые вершины счастья мне довелось увидеть и почувствовать! Оставалось сделать только маленький шагочок. И все!

Почему я его не сделал! Скорее всего, мне не дали. Не дали это сделать Кармен и Палома. Видимо, поняли по моим остекленевшим зрачкам и холодеющим, непослушным конечностям, что я ухожу от них. Ухожу со счастливой улыбкой человека, познавшего счастье.

И они меня остановили. Вернее, просто замерли. Замерли, прижавшись ко мне и согревая мою застывающую кровь своим спокойным и ровным дыханием. Замерли, своим спящим видом призывая на свою защиту. Взывая о вечности бытия и постоянстве ощущений. Моля о прощении за познание такого же счастья и удовольствия.

И я не сделал последний шагочок. Оглянулся на них, умиротворенный. Засмотрелся. И заснул. Почти мертвым сном.

Проснулся от солнца, бывшего мне прямо в лицо. Ослепленный его лучами, рывком сел на кровати. Осмотрелся. Никого! Совсем! Только вмятины на подушках. Значит? Значит, это был не сон! Не мираж! Не пьяный кошмар уставшего путника.

Оделся я со скоростью спецназовца. С еще большей скоростью скатился по лестнице и, словно рыцарь на коне без узды, вломился в столовую. Для того, чтобы остановиться на большой скорости, пришлось руками упереться в стойку бара.

И тут же шумно вздохнул с облегчением. Возле меня сидела Кармен и правой рукой держала маленькую чашечку с кофе. Испуг на ее лице испарился и сменился понимающей улыбкой. Левой рукой она провела по моей щеке:

– Выспался и уже спешишь уехать?

– Да нет! – я перехватил ее руку и поцеловал. – Просто ужаснулся от мысли, что вы мне приснились... Хотя тело говорит о вашей реальности.

– Иногда даже тело поддается влиянию иллюзий! – ее улыбка стала немного отстраненной.

– Только не мое! – горячо возразил я. – Каждой своей клеточкой чувствую и помню о прошедшей ночи. Даже не верится, что столько энергии из меня выплеснулось! – я быстро оглянулся вокруг. – А где Палома?

– Она... – Кармен немного запнулась, – ненадолго отлучилась. Да и устала она жутко. Если бы ты только знал, сколько нам энергии понадобилось для этой ночи!

– Да и мне за себя не стыдно! – я с гордостью приподнял подбородок. – Достиг таких вершин, про которые даже не догадывался, что они существуют.

– Тебе понравилось? – она посмотрела мне прямо в глаза.

– Не то слово! – я продолжал поглаживать ее хрупкую и узкую ладошку. – Вся моя жизнь с сегодняшнего дня кардинально меняется!

– Как именно? – в ее простом вопросе было столько ожидания и надежды, что мне стало даже как-то не по себе.

– В сторону оседлого образа жизни! – мои фантазии, еще даже полностью не принявшие окончательную завершенность, уже пьянили мое сознание. – Ты не представляешь, как это будет здорово! Предлагаю вам поехать со мной! Даже не предлагаю, а прошу! Вернее, требую! Более обстоятельные планы я бы хотел изложить уже в присутствии вас обеих. Но к тому времени, как я возвращусь, ваши вещи уже должны быть собраны и...

– Так ты уезжаешь! – воскликнула Кармен, оборвав меня на полуслове. И тут же сникла, чуть ли не уменьшилась вдвое. И постаралась выдернуть руку из моих пальцев. Чуть ли не с конвульсиями.

– Но я же вернусь! – как можно более убедительно воскликнул и я. – Мне только надо завершить одно важное дело! Это всего несколько часов! А точнее час туда и час обратно. Двадцать минут на месте и десять минут на ориентировку на местности. Еще полчаса набрасываем на всякие неожиданности в дороге. Три часа! Как максимум! И я появляюсь на ваши прекрасные очи!

Кармен слушала меня с явным недоверием, и губы ее были плотно сжаты.

– Я ведь человек слова! И если дал, то всегда выполняю! Мне обязательно надо проехать эти сто восемнадцать километров и завершить начатое давно дело. После этого я совершенно свободен во времени. И волен распоряжаться собой, как мне заблагорассудится! И если я что-то вознамерился совершить, то сделаю это! Пусть даже весь мир рухнет!

– Весь мир не надо... – Кармен подняла на меня глаза, и в них загорелся огонек надежды. – Слишком много шума будет...

– Вот и прекрасно! – я поцеловал ее в щеку. – Давай, показывай, где у вас канистры с дизтопливом!

– А завтракать! – девушка вскочила и хотела броситься за стойку бара. Но я резко схватил ее, сдержал силой и привлек к себе:

– Даже не хочу тратить на это время! Предлагаю лучше вместе пообедать! Договорились?

– Договорились...

Я попытался ее поцеловать в губы, но она с неожиданной силой уперлась мне в грудь руками:

– Только после обеда!

– Договорились! – повторился я, рассмеялся и потянул ее за руку к выходу.

Утро было просто чудесным. Солнечным, в меру прохладным, чарующим и безветренным. Но я совсем не обращал никакого внимания на окружающие меня красоты. Проворно вытащил из подвала канистру, перелил солярку в бак с помощью найденной возле колонок лейки и тут же завел мотор. Проверая – все ли в порядке. Идеально!

Вернулся к стоящей у порога Кармен. Крепко обнял и осыпал горячими поцелуями ее шею и лицо. Затем отстранился и поднял свою руку с наручными часами. Демонстрируя время:

– Сейчас без нескольких минут десять! Ровно в час я буду иметь честь свидеться с вами снова! Попрошу не отлучаться!

– А если ты не вернешься?! – в глазах у нее стояли слезы.

– Еще ни разу в жизни я не нарушил данного мною слова! – кажется, я сказал это со всей необходимой уверенностью и достаточной твердостью.

– А если с тобой что-то случится? Так трудно находиться в неведении!

– Тогда я оставляю о себе постоянное напоминание, – придумал я. – Что-нибудь важное, без чего и мне будет неуютно.

Тут же стал себя хлопать по карманам, на ходу соображая, что может быть ценного у меня и в моей машине. Ничего, кроме мобильного телефона, в руки не попало. Я растерянно покрутил его в руках, а девушка неожиданно сказала:

– Оставь телефон!

– Но ведь от него здесь никакого толку?

– Но он будет напоминать о тебе! И ты быстрее вернешься!

– Но если он мне понадобится...

– Имеешь нечто более ценное? – требовательно спросила Кармен.

– Вряд ли, – растерялся я.

– Или сомневаешься в своем слове? – она смотрела на меня так, что мне стало жарко.

Но взгляда я не отвел:

– Не сомневаюсь! Буду через три часа! – вложил телефон в протянутую ладошку и повернулся к своей машине. И уже взялся за ручку двери, как на мое плечо легла ее рука. Я замер, а она прильнула к моей спине, и горячее дыхание обожгло мне шею и ухо. Кармен зашептала со страстью:

– Возвращайся! Обязательно возвращайся! Мы тебя умоляем! Если ты не вернешься, нас не станет! Мы исчезнем навсегда! Для нас не будет будущего! Только прошлое! Из которого не виден свет, не слышны звуки и не приходит любовь! Простое, из которого нельзя вернуться в жизнь!

Я не стал оборачиваться. Сел в машину, пристегнул ремень безопасности и с места стал набирать скорость. Выскочив на площадку возле дороги, притормозил. Мотель виден был, как на ладони. Неповторимый вид! Как можно покидать такое уникальное место?! Я присмотрелся. В окне второго этажа стояли две женские фигурки. Худенькая и чуть полноватая. Они махали мне руками. Значит, Палома просто спала?! Или не хотела быть при расставании? Скоро я это выясню!

Я взмахнул высоко поднятой из окна рукой. А вторая сыграла незатейливую мелодию на клаксоне. Звуки взметнулись между гор и вернулись ко мне, умноженные эхом. И тут же нога вдавила педаль акселератора до упора.

Я ехал очень быстро. Но и очень аккуратно. Мне нельзя было рисковать. Я теперь не принадлежал только самому себе. Старался ехать со всей уверенностью и вниманием. И все время в моей голове крутились слова, сказанные Кармен перед нашим расставанием. Как много можно было найти в них смысла! Порой, такого простого и приятного. Порой, такого непонятного и странного. Меня, то радовало их желание меня видеть, то пугало напоминание о неясном прошлом. Раскладывая каждое слово в каждой фразе, я старался не думать о плохом и пытался найти только хорошее и приятное. Только то, что ждет нас в будущем.

Фантазировать я умел. Хотя всю жизнь придерживался только существующих реальностей. Они всегда руководили моими действиями. А помечтать? Слишком мало времени выдавалось для этого в моей суматошной жизни. И очень редко позволял себе предаваться волнующим мечтаниям. К чему? Вначале надо ведь устроиться в этом сложном и не всегда приветливом мире.

Все большее расстояние остается позади. Скалы мелькают за окнами, сливаясь в серую единую массу. На крутых поворотах неприятно повизгивают шины. Надо бы проверить развал и сходжение. Но это – потом.

Дорога вывела в широкую долину. Горы расступились в стороны. Все больше пересечений и перекрестков. Даже стали появляться встречные автомобили. Дорога заметно расширилась, перешла в автомагистраль. А вот и городок, в котором собирался ночевать. Если бы доехал... Ну и прекрасно, что не доехал!

Заправка! Возле самой трассы. И не надо куда-то съезжать дальше. Принимаю вправо. Залить бак до полного! Сколько я потратил? Три минуты! Но зато больше останавливаться не придется до самой цели. Снова полный газ! И моя цель остается сзади все дальше и дальше. Нет, скорее все ближе и ближе!

По магистрали мчусь, явно превышая скорость. Но не настолько, чтобы слишком выделяться от редкого попутного транспорта. Четкий расчет, четкий график движения. В минуту надо делать два километра. В среднем. Пока укладываюсь. Думаю, и дальше проблем не предвидится. Хотя на хороших участках пытаюсь создать хоть небольшой, но запас во времени. Стрелка переходит тогда отметку сто пятьдесят километров в час. Нормально! Моя машина в отличном состоянии. Может выжать еще больше. Не должна подвести! А вот датчик подвел! Как же его так заклинило? Хотя... Чего только не случается с транспортом!

Я уложился в час и десять минут. Отлично! Останавливаюсь, достаю карту города. Та же отцовская школа: лучше возить с собой больше карт, чем останавливаться у каждого киоска или прохожего и выспрашивать искомую улицу. Ага, вот и она! Далековато, покрутиться придется! Быстро считаю все повороты и проезды. Стараюсь запомнить их количество и последовательность. Вроде получилось. Вперед! Раскрытая карта рядом. Останавливаясь на светофорах, кидая на нее взгляд, убеждаясь в правильности маршрута.

А вот и искомый дом. Вдавливую кнопку звонка, а сам слежу за секундной стрелкой. Я успею вполне спокойно вернуться в мотель даже раньше обещанного срока!

Раздается женский голос. Сжато объясняю цель своего визита. В ответ слышу извинения и заверения, что нужный мне человек будет через десять минут. На какое-то время лишаюсь дара речи. Лишь с тупой ненавистью смотрю на домофон. Еле сдерживая себя от желания раскрошить его на мелкие кусочки. Затем концентрируюсь. Беру себя в руки. Жестким голосом сообщаю о чрезвычайной срочности. И крайней нехватке времени. Женский голос меня успокаивает. Ее муж на пути к дому. Она уже перезванивает ему по мобильному телефону. Задержек не предвидится.

Это у них не предвидится! А у меня? Явная задержка! Да еще какая! Я с тоской смотрю на часы: запас времени тает буквально на глазах. Чтобы сдержать себя и дать выход кипящему во мне раздражению, быстрыми шагами хожу туда и обратно возле своей машины. Сорок шагов в одну сторону. Сорок в другую. Пытаюсь сосредоточить все внимание только на этом. Так легче ждать. И не смотреть постоянно на безумно быстродвигающуюся минутную стрелку. Уже не говоря о секундной! Никогда не представлял себе, что время может лететь так стремительно.

Нужного человека я мысленно обзывал всякими нехорошими словами. С каждой промелькнувшей минутой слова становились вульгарнее и грубее. После десятой минуты эпитеты и выражения стали вырываться вслух. Какой-то частью сознания я даже удивился наличию подобных слов в моем подсознательном лексиконе. Откуда память их доставала? О том, что человек ни в чем не виноват, не напоминала даже маленькая часть моего сознания.

Поэтому мой взгляд стал волчьим. На четырнадцатой минуте нужный мне человек появился. И чуть не бросился от меня бежать. Осознав свою совсем нескрываемую ненависть, я двумя ладонями жестко потер все лицо. Срывая с себя маску злобы и беспокойности. Быстро объяснил свою невероятную поспешность. После этого у нас ушло пять минут непосредственно

на дело. Хотя раньше я так никогда не делал. Всегда пытался оставить о себе хорошее мнение. Но сейчас плевать!

Даже не попрощавшись, запрыгиваю в машину. Времени лишнего нет! И тут же новая неприятность! Движение из города гораздо интенсивнее. Чуть ли не пробки! Стараюсь использовать все свои навыки и пронырливость. Оттираю другие машины. Вклиниваюсь в другой ряд перед самым капотом других участников движения. Проскакиваю перекрестки уже явно на красный свет. Но три минуты потерял! А то и четыре! Вырвался из города с одной мыслью: на трассе наверстаю!

Как бы не так! И откуда только взялись эти длинные и громоздкие трейлеры? Да еще в таком количестве?! Вдобавок небольшое столкновение двух легковушек. Они сразу перекрыли все движение в попутном направлении. Хорошо, что я это увидел! Всего сорок метров до них было. Резко успел принять в правый ряд. Осмотрелся для подстраховки. Но полиции не наблюдалось. И на обочину! И по ней! До места ДТП. Объехал их, лишь чуть снизив скорость. Водители только вышли из машин и, переругиваясь, стали осматривать полученные повреждения. Они еще так полчаса возиться будут! А я уже проскочил! От радости я заорал какой-то марш. Дорога свободна! Только вперед!

Солнце спряталось за тучами. Хорошо. Не будет слепить и мешать движению. Теперь все внимание на скорость. Приходится наверстывать упущенное время. Методично наматываю километр за километром.

Хорошо, что сделал свои дела. Теперь я свободен. Больше меня ничего не связывает. И никому ничем не обязан. Независим. Могу работать, а могу и отдохнуть. Хотя накоплений не так уж много. Как для полного ухода от дел. Но и немало! Можно остановиться, расслабиться. Обдумать жизнь и попытаться найти нечто спокойнее. А то как метеор гоняю по дорогам. А зачем? Ведь сколько красивых мест проехал, а порой даже остановиться некогда было! Куда я несусь? Не сейчас, а в смысле по жизни? Сейчас-то я знаю цель своего полета! Она мне ясна до глубины души! До прерывистого дыхания и почти полной остановки сердца.

Шестидесятый километр остался позади. Иду впритык к нужному времени, минуту или две проигрываю дороге. Но зато уже сколько наверстал! И есть шансы улучшить время на предстоящем участке пути.

Что-то слишком потемнело. Вечер, что ли? А, это небо совсем мрачным стало. Тучи еще ниже нависли. И цвет у них неприятный, щемящий душу. Темно-сине-серо-черный! Но меня это касается мало. У природы своя жизнь! А у меня своя! Каждому свое. Кому чернеть или светиться. Кому рваться вперед и стогать от нетерпения.

Вот и знакомый городок. Где я заправлял полный бак. Надо быть осторожней: можно нарваться на патрульную машину. Хотя откуда ей взяться в такой глуши. Нарушаю все правила и лимиты скорости. Городок позади. Чуть ухмыляюсь, представляя, что меня задержали. Вот бы растянули волюнку! Но не задержали, все нормально.

Наказание, правда, последовало. Но не от полиции. С неба. Тучи разверзлись и сыпали мелким дождем. Противным, мглистым. Стал опускаться туман. При въезде в горы он вообще коснулся некоторых участков дороги. Проклинаю непогоду, включил ближний свет. Ехать стало трудно. Даже небезопасно. Но я сжал зубы. Вцепился в руль. И не снижал обороты двигателя. Только рычал на особо опасных поворотах. Не от страха, его не было. От злости! От бессилия! От почти проигранного соревнования со временем! Почти... Вот именно: почти! Я не проиграл! Я вырывал у дороги секунду за секундой! Молился на каждый проносящийся километровый указатель. Даже считал столбики, отмеряющие по сто метров.

Сотый километр! Сто десятый! Сто пятнадцатый!.. Шестнадцатый!.. Семнадцатый! Сто, триста, семьсот метров! Еще двести осталось! Сто!

И вот тут я увидел что-то опасное впереди. В дождливом тумане появились вращающиеся лампы сигнального света. Что-то случилось на дороге! Авария? И как раз на площадке, от которой дорога вела к мотелю!

Неважно! Главное – успел! До обещанного мною времени оставалось целых четыре минуты! Гип-гип-ура!

По тормозам! Съезжаю на площадку. Собираюсь поворачивать на дорогу. Но! Она перекрыта! Именно там стоит полицейский автомобиль с включенными сигнальными огнями. Мало того! Поперек дороги натянута ограничительная лента. Красно-белая. Проход запрещен!

Останавливаюсь перед ней и выскакиваю из машины. Мне навстречу выходят трое полицейских. И самый огромный среди них предупреждающе поднимает руку вверх. Мое сердце тревожно колотится в груди. Дыхание почему-то сперло. И затекшие ноги, после длительного сидения за рулем, плохо слушаются. Поэтому я подпрыгиваю на месте. Пытаюсь им вернуть нормальное кровообращение. Вопросы вертятся в голове черным водоворотом. Но ни один не может вырваться через мои пересохшие уста.

– Куда это вы так спешите, молодой человек? – громкий голос здоровяка заставляет замереть меня на месте.

– Т-туда... – заикаясь, протягиваю руку в сторону мотеля.

– Туда? – в голосе полицейского сквозит нескрываемое удивление. – И зачем вам туда понадобилось?

– Но там же это... заправка... мотель... – с трудом выдавливаю из себя.

– Там?! – здоровяк даже проследил за моим взглядом. Но потом повернулся ко мне с пониманием: – Там когда-то давно была заправка. И мотель тоже. Но они уже давно не работали. А сегодня обвал снес и старый дом, где когда-то был мотель, и...

Но я его уже не слушал. Что-то взорвалось у меня внутри. И мое тело бросилось вперед! Оттолкнув здоровяка, как пушинку, я изо всех сил понесся к мотелю. Как молния! Лишь пригнулся под нависающую ленту ограждения. Лишь с моих уст сорвался отчаянный выкрик:

– Но там же люди!!!

Сзади раздались ругань и приказы остановиться, но я на них даже не среагировал. Сто метров я пронесся с мировым рекордом! Наверняка! И тут же замер. Словно каменное изваяние. Наверное, и дышать перестал. Только в недоумении пялился на представшую передо мной картину.

Мотеля не было! От него осталась лишь передняя стена! Да и то, только две трети нижней части. От чердачной стены остались лишь неровные кирпичные изломы. Но вывеска осталась. Старая, с полностью искрошившимся стеклом. Пыльная и покосившаяся.

Входная дверь отсутствовала. За ней виднелось около метра коридора и потрескавшиеся плитки на полу. Дальше взгляд проваливался в пропасть.

Три страшные вещи: остаток стены, проем на месте двери и пропасть!

Но не это больше всего меня поразило! Нет! Поразила меня трава, в изобилии растущая на пороге! И даже пробивающаяся между плиток пола в остатке коридора. Откуда она здесь? Ведь ночью и утром ее не было! Не могла она вырасти за несколько часов! Не могла!

Одурманенное непониманием сознание пыталось разгадать эту непосильную загадку. Словно сквозь толстые стены до меня донеслось натужное сопение и взволнованные окрики:

– Парень! Да ты совсем спятил? Тебе ведь сказали, что здесь обвал произошел! Может и это место в пропасть отвалиться! Куда ж тебя несет!?

Перед тем, как меня весьма бесцеремонно и грубо схватили под руки и поволокли в сторону машин, я успел сфокусировать взгляд еще на одной вещи. Фонарь! Он еле держался на стене над входом. Без лампочки! И все стекла выбиты. И ржавый, ржавый... До невероятности! Словно сто лет прошло со времени его последней покраски.

На пару минут я впал в состояние бездумной прострации. Вернулся в действительность от деликатных похлопываний по спине и сыпавшихся с трех сторон вопросов. Суть вопросов сводилась к следующему:

– У тебя все в порядке с мозгами?!

– Не знаю... – я обвел глазами незнакомые мне лица и вновь попытался задать вопрос: – А что с людьми, которые там жили?

– Откуда нам знать! – ответил один из полицейских. – Все выехали оттуда еще пятнадцать лет назад. Когда скала, держащая дом, дала первую трещину. С тех пор это место заброшено, никто там не жил. И дом таки рухнул. Именно сегодня. На другой стороне урочища есть ферма. Услышали три часа назад жуткий грохот. Вот и позвонили. А мы и подъехали. Мало ли что. К тому же ограждения кто-то разобрал...

– Какие заграждения? – спросил я.

– Здесь стояли железные ограждения, перекрывающие дорогу к мотелю. И надписи оповещали об опасности. А какой-то дурак разобрал это все и швырнул в пропасть. Жаль, не знаем, кто и когда это сделал.

– Ночью и утром заграждений не было... – вырвалось у меня. Полицейские переглянулись, и здоровяк спросил с подозрением:

– А что ты делал здесь ночью?

– Как что? Ехал, соляра кончилась, заехал на заправку. И переночевал в мотеле...

– В каком мотеле?

– В этом... – я указал рукой в туман. А сам опять прокручивал в памяти картину запустения и разрухи, которую я там увидел. И чувствовал свою все большую растерянность. И бессилие. Которые все больше переходили в явное сумасшествие. И добавил невпопад: – Там даже бар работал... И душ...

– Там? Бар работал? А-а! – понимающе протянул здоровяк, переглядываясь со своими товарищами. – С кем не бывает! Но ездить в нетрезвом состоянии за рулем, мягко говоря, не рекомендуется!

– Да я и выпил-то граммов сто пятьдесят! – заспорил я. – И потом хорошо и долго спал! За свое состояние могу смело поручиться!

– Конечно! Ручаться может каждый. Но наше дело проверить! – ненавязчиво меня стали подталкивать в сторону полицейского автомобиля. – Процедура недолгая и совершенно безобидная. Ты дуешь в эту трубочку! Мы смотрим и все видим! И расходимся по своим делам. Если только все нормально. Вот, пожалуйста, подуй!

Мне были безразличны их подозрения на мое нетрезвое состояние. Меня волновали более важные вопросы. Поэтому дунул изо всей силы. Быстрее бы от меня отстали! Индикатор показал мою полную и неоспоримую трезвость. Тогда все тот же здоровяк внимательно рассмотрел мои зрачки, подсвечивая себе фонарем.

– Со зрением у меня тоже все нормально! – не выдержал я.

– Наркотики давно употреблял? – вопрос был задан резко и с напором.

– Ни разу в жизни даже не пробовал! – так же резко и твердо ответил я. – А вот таблетки пить придется! Из-за этих дождя и сырости! И того, что вы меня под ними держите!

Полицейские немного смутились. Даже поежились под своими непромокаемыми накидками. Но все же один из них возразил:

– Это не мы тебя держим! Это ты врываешься в аварийную зону! Нарушаешь запреты! И еще ахинею несешь о ночевке в давно заброшенном отеле! Если с мозгами не в порядке, обращайся к психиатру! Даже можем направить туда в принудительном порядке! Может, тебе и права не дозвольтельны?! Такую околесицу городишь! Может, ты от бессонницы что-то перепутал?!

Его голос повышался с каждым словом, и под конец монолога он уже чуть ли не кричал на меня. Понимая бесполезность дальнейшего пререкания, я сник и тихим голосом ответил:

– Скорей всего... действительно перепутал...

И побрел к своей машине. Никто меня не остановил. Даже не окликнул.

Вокруг был густой туман. А в моей голове еще более густой. Туман непонимания. Страха, безысходности. И разочарования. Страшного, всепоглощающего разочарования.

Завел мотор. Тронулся. Машинально включил фары. Проехал площадку и выехал на дорогу. Через несколько десятков метров туман стал резко рассеиваться. Но не в моей голове! Там по-прежнему было темно и мрачно. Через сто метров дождь усилился, пытаюсь смыть серость и тени. Может, ему это удалось, так как посветлело еще больше. А еще через сто метров сквозь тучи неожиданно пробился луч солнца. И ослепил меня. Мешали видеть слезы, а тут еще и солнце. Сквозь пелену дождя. Дождя и слез!

Слезы?! Я только теперь почувствовал их горячие дорожки на своих щеках. Дышать было трудно. Почти невозможно. Куда я еду? Зачем? К кому мне теперь стремиться? Как существовать дальше?

Косые нити дождя с яростью хлещут по ветровому стеклу. Они мешают видеть. И они, и солнце, и слезы. Особенно последние. Я с трудом управляю машиной. Еду со скоростью черепахи. С трудом различая проплывающие по бокам, нависшие над дорогой скалы. Тоска! Одиночество! Вечное, проклятое одиночество!

Господи! Кого это занесло в эти места?! Кто может голосовать на обочине?! В такую погоду?! Под таким дождем?! И два больших зонта! И две большие сумки у ног!

Слезы мешают мне особенно! Но я могу разглядеть две женские фигурки, яростно машущие мне руками: стройную и чуть полноватую...

Да здоровствует капотралус!

Выпрыгнув из подпространства, корабль Хеба оказался на расстоянии оружейного залпа от своего врага. Времени на раздумья не было. Лишь в памяти зафиксировался облик гигантской тарелки голубоватой планеты, на фоне которой с полицейской шхуны Пилпа вспыхнули беззвучные цветки выстрелов. Хеб тут же задействовал всю свою артиллерию. Не забыв подключить и все системы защиты. Навстречу вражескому кораблю понеслись ракеты и снаряды, лазерные орудия зачастили вспышками поражающей энергии, маневренные торпеды соскочили со своих направляющих и ринулись на перехват всего, что несло со стороны противника. Через несколько мгновений они столкнулись на половине расстояния между космолетами и расцвели букетом белых вспышек. Хеб с удовлетворением отметил, что более половины его ракет прорвалось сквозь заградительный огонь и вот-вот разнесут корабль ненавистного рейнджера на атомы. Погоня, продолжавшаяся в космосе не одну неделю, близилась к своей развязке. Но в то же время на экране обзора ясно выделились следы нескольких ракет, несущихся и в сторону Хеба. Он с ужасом осознал, что для его брони и энергощита такое столкновение вряд ли закончится счастливо, и включил программу «Максимальный аварийный режим». В последнюю секунду он успел набросить на голову шлем комбинезона и загерметизировать свою индивидуальную защиту.

Последовавшие затем взрывы были просто ужасны. Никогда еще Хеб не попадал в такое жуткое сотрясение, скорей напоминающее перемалывание корабля в мясорубке. Шпангоуты стонали и выгибались прямо на глазах, броня разлеталась вдребезги, обшивка с противным треском рвалась и деформировалась, не выдерживая прямых попаданий. Приборы стали выходить из строя один за другим. Освещение несколько раз мигнуло и погасло окончательно. Лишь через какое-то время тусклым светом ожило аварийное. Динамики бортового компьютера охрипли от поступающих докладов о неисчислимых повреждениях и поэтапной разгерметизации корабля.

Страх панической волной накрыл Хеба. Ему даже пришла в голову мысль, что в последние минуты жизни должны всплывать в памяти самые важные события. Но этого почему-то не происходило. Глаза застилал красный туман отчаяния и злости. Умирать совсем не хотелось, хотя вся его жизнь прошла в отчаянных переделках и могла оборваться уже не одну сотню раз. Но тогда он был молод и боден, а сейчас он стал одним из богатейших индивидуумов в Галактике. В трюмах корабля находилось самое дорогое вещество вселенского пространства – капотралус. А имеющегося в контейнерах количества вполне хватит для невероятно роскошного существования всей его семьи на сотни поколений вперед. Как он прекрасно все продумал и организовал! Как все прошло удачно, без сучка и задоринки на первом этапе! Как искусно он избавился от всех своих помощников и компаньонов! Оставалось только добраться до своей секретной базы, о которой не знал никто во Вселенной.

«И надо же было этому проклятому рейнджеру Пилпу сесть мне на хвост и проследить мой путь на самый край Галактики! Как сильно он успел нагадить и испортить такое великое дело. Что с того, что он теперь уничтожен? Хоть месть и состоялась, но она ничто по сравнению с остальными упущенными возможностями. Имея столько капотралуса, можно завладеть несколькими звездными системами и жить как бог! А что теперь?!»

Хеб от безысходности завыл, словно умирающий зверь, и со злостью ударил по пульту корабля. Тут же замахнулся еще для одного удара, более сильного, как вдруг компьютер сообщил:

– Положение корабля стабилизируется, совершаем аварийную посадку на расположенную под нами планету. Расчетное время до соприкосновения с грунтом сто сорок две минуты. Во всех отсеках начинают работать автоматические наладчики и роботы-ремонтники. В бли-

жайшее время будет отреставрирована герметизация капитанской рубки, налажено отопление и освещение. Далее будет организована... – и голос, прерываемый иногда треском помех, продолжил перечень неисправностей, которые будут устранены в ближайшее время. Но Хеб уже не слушал. Он вскочил на ноги и бросился прыгать как сумасшедший от счастья. Даже запел какой-то гимн или кантату. Он вряд ли знал сам что поет, скорее кричал и повизгивал в такт своим несуразным прыжкам. Радость переполняла его невероятно. Еще бы! Остаться в живых после того, как находился на волосок от гибели. И не просто остаться в живых, а получить реальный шанс стать самым прославленным Властелином в истории!

Дав выход своим эмоциям, Хеб опять вернулся к пульту управления и попытался сориентироваться в пространстве. Но все камеры наружного обзора оказались полностью уничтожены взрывами, и для их починки необходимо было выйти за борт. В условиях аварийной посадки, да еще в космосе – это являлось более чем безрассудным шагом. Намного проще починку можно произвести на твердом грунте. А в том, что посадка произойдет удачно, сомнений не возникало. Если уж компьютер просчитал ее возможность, то можно было на него положиться.

Поэтому Хеб первым делом стал пробираться по деформированным коридорам в грузовые отсеки. Добравшись туда, он с восторгом обозрел контейнеры с капотралусом и убедился в их целостности и сохранности. Хотя многие емкости и сорвало с креплений во время прямых попаданий, и они загромождали проходы отсеков, валяясь как попало, это было уже не существенно. После посадки все вновь разложится по своим местам.

Хеб успел вернуться в рубку перед самым началом экстренного торможения. Пристегнувшись в кресле, он стойко перенес невероятные перегрузки, совершенно не слушая продолжающиеся доклады компьютера. Самые оптимистические мысли приходили ему в голову, согревая своей сладостью и помогая преодолеть трудности.

«Спасен! И не просто спасен, а остался самым богатым человеком во Вселенной! Вот теперь я заживу! Теперь я напому о себе всяким титулованным хамам и высокомерным выскочкам! Да так напому, что другие вздрагивать будут при моем имени! Главное сейчас осмотреться после посадки. Затем отладить внешний обзор, сориентироваться, куда дальше лететь, и все! Начинаю новую жизнь! А кстати, интересно, есть на этой планете нечто достойное моего внимания? Если здесь есть дикари или первобытные племена, то неплохо бы объявить себя богом и зафиксировать свои права на владение их системой. Лишние подданные мне не помешают! С моим вооружением я их буду строить, как мне заблагорассудится. А если воспротивятся, то живо переполовиню их количество! Ведь богу можно все! Самое главное, что ни один контейнер с капотралусом не лопнул. И вещество не попало в атмосферу. Как ни велика планета, для всего ее населения хватит даже четверти одной-единственной емкости. И не важно, какие формы они имеют и какие размеры тела ограничивают их скудные мозги. Дикари бы вдыхали распыленный в атмосфере капотралус и через одно, два поколения совершили бы небывалый подъем в своем развитии. Ведь даже животные умнеют при вдыхании этих испарений. Тогда ими уже не покомандуешь. Даже не подступишься. Но этого не случилось, мнимая свобода моим подданным не грозит. Зато мои прямые потомки все станут богами! Все до единого! А я стану богом самым первым! Самым великим!»

Дюзы издали последнее напряженное рычание, и звездолет замер. Затем стал понемногу клониться в сторону и как бы сползать. Но вот и это движение прекратилось. Тот час раздался голос из динамиков:

– Посадка произведена успешно. Наличествует небольшое сползание грунта, состоящего из крупных кристаллических образований. Для последующего за восстановительными работами старта это не будет помехой. Берутся забортные пробы для полного анализа окружающего пространства. Сила тяжести в два с половиной раза больше нормативного. Шлюзовая камера с большими повреждениями, но открыть ее удалось. Снаружи уже самомонтируется робот-

вездеходец. Через две минуты он будет готов для транспортировки и наружных работ. По предварительным расчетам старт и дальнейшее перемещение в космосе возможны через сорок тридцать пять минут.

Владелец корабля и будущий бог не стал слушать дальнейшие сообщения, а направился к выходу. Сила тяжести была выше обычной, но Хеб себя прекрасно чувствовал и при пятикратной тяжести. «Ведь это даже здорово, что есть еще столько времени. Можно прекрасно осмотреться, произвести разведку окружающей местности и решить участь этой планеты». На ходу он проверил исправность универсального переговорного устройства. Прибор позволял понимать речь любого разумного существа, в каких бы звуках та ни выражалась. Хотя сразу наткнуться на разумную жизнь было бы настоящей удачей, но Хеб не исключал этого. Раз уж ему стало везти, то удача будет преследовать его и дальше. До конца жизни.

За покореженным люком шлюза виднелся склон холма, состоящего из огромных кристаллических глыб почти одинакового размера. Они были желтоватого цвета и немного просвечивались. Хеб не стал спускаться на грунт, а дал команду подойти к шлюзу роботу-вездеходцу. Тот находился рядом и, сделав всего пару шагов своими десятью многоступенчатыми ногами, подставил капсулу вплотную к люку. Подобные роботы считались самыми удобными и незаменимыми. Скупиться на приобретение такого помощника всегда было очень неразумно. И владелец корабля это понимал и никогда не скардничал. Усевшись в кресло, он тронул рычаги управления, и вездеходец плавно понесся по склону вверх. И сразу глазам Хеба открылась впечатляющая картина. Прямо перед ним весь горизонт закрывала огромная и высокая стена. Она уходила вправо и влево и там перпендикулярно смыкалась с двумя другими стенами. А те, в свою очередь, далеко сзади упирались в еще одну стену. То есть это был огромный квадрат. И квадрат явно рукотворный! Хеб прямо-таки затрясся от возбуждения и, не раздумывая, погнал робота к ближайшей стене. Ведь тому совсем не составит труда взобраться наверх. А уж оттуда можно отлично осмотреться!

Неожиданно свет сверху померк. Подняв голову, Хеб с ужасом увидел опускающуюся на него гигантскую летающую платформу. Она стремительно упала вниз и с хрустом вдавила вездеходец в кристаллические глыбы. И все замерло.

Почти сразу же по стенкам сверхпрочной капсулы зазмеились трещины. Хотя и было темно, но явно ощущалось неимоверное давление. К тому же платформа не замерла, а продолжала ерзать и вздрагивать. Хеб попытался втянуть длинные ноги робота, и ему удалось их убрать. Но не все. Три так и остались не сложенными. Видимо, их поломало основательно.

«Что же дальше?! Кто это? Неужели у них такие сложные технологии, что они поднимают в воздух невесть что, а потом небрежно переставляют на иное место?!» Хеб в отчаянии пытался наладить связь с кораблем. Но в ту же секунду что-то загрохотало, и универсальный переводчик ожил:

- Ух, ты! Какой огромный молоток! Где взял?
- На балконе, под тумбочкой валялся.
- И зачем он тебе?
- Разбиваю все, что хочу! Стекло, машинки, солдатиков, даже камни.
- А железо? Смотри, здесь какая-то штукавина. Вроде из железа. Сможешь?
- Запросто!

В тот же момент Хеб услышал в наушниках голос корабельного компьютера:

– Необъяснимое перемещение корабля в пространстве, несогласованное с командиром. Какие будут ваши указания?

И только Хеб собрался спросить, кто же перемещает корабль, как раздался еще больший грохот. Словно выстрелили несколько тяжелых орудий. В наушниках послышался жуткий треск, и сквозь него прорвалось лишь три слова:

- ...полная деформация! Вышли...

Залпы тяжелых орудий повторились еще несколько раз. В наушниках пропало даже шипение. Зато вновь ожил переводчик:

– Эй, чего это вы тут делаете в нашей песочнице? А ну кыш отсюда! Мелюзга зеленая! Совсем уже покурить негде!

В тот же момент гигантская платформа резко взлетела в воздух, и Хеб увидел свет через потрескавшееся покрытие капсулы. Какие-то огромные тени мелькали вокруг робота-вездехода, но трудно было понять, от кого они исходили. А универсальный переводчик продолжал вещать:

– Глянь, пацки опять что-то раскурочили.

– Ага! Молотком какой-то прибор сплющили.

– Ого! Как удивительно пахнет! Волнующе...

«Капотралус!!! – в ужасе закричал Хеб. – Что-то случилось с контейнерами!»

– Действительно, приятный запах! Чуть ли не волшебный. Не то что наши вонючие сигареты. И чего мы этот никотин мерзкий вдыхаем?

– Правильно! Бросаем курить немедленно! Нам уже по двенадцать лет, а ведем себя как недоумки.

– И давай в школу поспешим, можем на математику опоздать.

– Точно... Математика – вещь полезная... О! Эврика! То решение теоремы, что учитель нам вчера показывал, – это же настоящий анахронизм! Ведь гораздо проще решение будет выглядеть так!

– Не пиши на весу. Давай лучше присядем на бортик песочницы.

Хеб, пытающийся поднять робота на уцелевшие ноги, опять успел заметить лишь глобальное затемнение и еще более огромную платформу, опустившуюся на его капсулу. Только теперь бронированная защита уже не выдержала и сплющилась, рассыпаясь полностью. Последнее, о чем успел подумать Хеб перед смертью, было:

«На эту планету моего капотралуса будет слишком много! Невероятно много...»

Раз в жизни

Виталий Пролеткин был закоренелым лентяем. Но самым странным парадоксом в его лениности было отлынивание от любых дел и работ, которые его не интересовали. Если же что-то его интересовало! О-о-о! Тогда он весь преображался: кипел энергией неумной, выдавал идеи распрекраснейшие, делал все наибо́йстрейше и с отменным качеством. Но лишь только интерес угасал, Виталий моментально превращался в медведя-ленивца, и его организм замирал, даже мысли отсутствовали. Лишь изредка мозг усиливал свою деятельность. Да и то только для того, чтобы умудриться избежать новой работы и придумать отговорки поубедительнее.

Как-то, в порыве вдохновения, Пролеткин попытался проанализировать свое поведение, так сказать, дойти до первоисточников, сформировавших его характер. И докопался до истины.

Его первые четкие детские воспоминания были связаны с мытьем полов. Вернее, с двумя вариантами этого обыденного (но не для ребенка) занятия. Первый: это когда мама или бабушка (а чаще общими усилиями) закрывали входную дверь на ключ, ставили ведро у порога, кидали в него тряпку и грозно командовали: «Пока не помоешь полы, гулять не пойдешь!» А гулять маленький Виталик ох как любил! Ведь это жутко интересно! И поэтому со слезами на глазах возил мокрой тряпкой по шершавым доскам, ругаясь про себя непонятными словами, подслушанными у взрослых. И вариант второй: мытье полов у соседей, живших этажом выше. Там была иная схема. Тетя-соседка показывала Виталику из окна пряник – огромный, с завитками, невероятно вкусный и спрашивала: «Хочешь?» Видя в ответ блестящие глаза и утвердительное кивание головой, добавляла: «Но ты мне поможешь убраться в доме?»

И пацан уже мчался по лестнице, хватал тряпку, мыл полы и со счастливой улыбкой ждал торжественного момента вручения вожа́деленного объекта кулинарного искусства.

Это уже потом, став взрослым, Пролеткин узнал, что муж соседки работал на выпечке этих самых пряников и таскал их домой в немереных количествах.

Но факт остается фактом: именно в детстве у него выработался рефлекс работать только из корыстных соображений. И не каких-либо маленьких, сиюминутных. Нет! Только больших, неадекватных, самых ощутимых и приятно-желанных. Корысть – двигатель прогресса!

Став взрослым и устроившись на работу, Виталий быстро понял: при социализме хорошо трудиться нет смысла. Уравниловка безжалостно резала зарплату. Ну разве еще из-за премий будешь лизать зад парторгам и начальству. А этого он не переваривал. Поэтому нашел золотую середину: и не работал, и на сносное существование хватало. Курсируя по поликлиникам, заигрывая с медсестрами и регулярно получая деньги по больничным листам. Еще бы чуть-чуть, и выбил для себя мнимую инвалидность. Правда, и это ему было делать лень. И часто, особенно по ночам, в его ум приходила одна идея-мечта: как бы ничего не делать вообще, а деньги получать все равно. Увы! Даже когда на него снисходило наивысшее вдохновение, не получалось придумать нечто путное для осуществления этой мечты.

Шло время. «Единая и нерушимая» лопнула, как мыльный пузырь. Больничные листы перестали приносить пользу, фабрики и заводы закрылись, кушать стало нечего. И делать тоже.

Оставалось одно (по крайней мере, так сложилось у нашего героя): ехать работать на капиталистов. И Виталий Пролеткин выехал с родины с тургруппой и возвращаться заведомо не собирался.

А на новом месте, трудоустроившись, Пролеткин с удивлением обнаружил, что чем больше стараешься, тем больше зарабатываешь! И зарабатываешь очень неплохо! За день можно было пополнить свой бюджет на 30–40 евро. Что было адекватно целому месяцу ходьбы по поликлиникам на родине.

И Виталий «закипел», став жить бурно, интенсивно и деятельно. Это очень удивляло тех, кто знал его раньше; привлекало внимание работодателей; притягивало новых друзей. На своей

работе он вытворял просто чудеса умения, проворства, усердия и сообразительности. Даже придумал некое новое приспособление, ускоряющее процесс и качество одного из видов работ. Шефу это пришлось по душе. Он тут же заставил Пролеткина запатентовать свою новинку. Как говорится, для успокоения совести. А вдруг кому и пригодится?! И стал недвусмысленно намекать на весьма существенное повышение.

Пролеткина это радовало и воодушевляло. Он стал выкладываться еще больше. Правда, его организм выдерживал с трудом. Хоть и окрепшее за время работы на чужбине, тело по вечерам разламывалось от боли и усталости. Мышцы порой сводило судорогой от непомерных нагрузок, заставляя просыпаться среди ночи и спасаться самомассажем. В эти минуты Виталий проклинал все на свете. Особенно работу. И с особой остротой вспоминал о своей мечте: средства получать, но не вкалывать. Ему думалось: «И не надо много денег! Хотя бы чуть-чуть... Нет! Хотя бы столько же, сколько получаю сейчас! Вот бы я тогда зажил! Вольготно, спокойно. Без этой напряги и метаний, суетной беготни. Красота!»

И хоть мечты не уходили, утро приходило все равно. Отдохнувший Виталий схватывался с кровати и с головой окунался в уже привычный водоворот трудового дня. Разве что был выходной. Или праздник. Их он ждал всегда с нетерпением. Можно было отдохнуть, расслабиться; осушить с друзьями по паре стаканчиков.

И вот наступил Новый год. Вернее, только собирался наступить. Был последний день старого, в который шеф устроил всем выходной. Отоспавшись с утра, пройдясь в обед по магазинам, Пролеткин накрыл стол и стал тщательно одеваться к праздничному ужину. Он ждал в гости нескольких друзей. И, что самое главное, с ними должна была прийти некая красотка, увидев которую однажды, Виталий на день лишился дара речи. Впоследствии оказалось, что это сестра его товарища по работе. Приложив определенные усилия, Пролеткин уговорил этого товарища отметить вместе встречу Нового года. Естественно, при наличии его сестры, так запавшей в душу Виталия. В общем, предстоящая ночь обещала быть веселой, желанной и радостной. А возможно, даже сказочной. И Пролеткин на это надеялся.

Поэтому не сильно-то и удивился, когда, выйдя из своей спальни в новом, элегантном костюме, увидел за столом салона крепко сбитого седобородого дедугана в костюме Деда Мороза. Гость радостно заулыбался и зычным басом прогудел:

– С наступающим!

– Взаимно! – Виталий с удивлением взглянул на закрытую изнутри входную дверь. – Но я вроде никого не заказывал...

– Хо-хо-хо! – засмеялся дедуган. – Меня никто не заказывает! Меня просто все ждут!

– Значит, вы настоящий?

– Естественно, настоящий! – даже обиделся гость и похлопал по рядом стоящему стулу. – Садись! Отметим это дело.... И поговорим... немного...

Затем, совершенно не смущаясь, открыл бутылку «Смирнова», налил водку в два стакана и вилкой поддел из вазочки маринованный огурчик, привезенный недавно земляками с далекой родины. После чего продолжил:

– Чего рот открыл? Никогда меня не видел? Да уж! Не к каждому я прихожу. Но иногда люблю подурочиться! – он зычно рассмеялся и поднял свой стакан. – Навещаю одного, двух в новогоднюю ночь. Ну! За наступающий!

– За него! – согласился Пролеткин, соприкасаясь стаканами в тосте и выпивая водку. Глядя, как старик тоже выпил и стал с аппетитом хрустеть огурчиком, ехидно спросил: – Дед Мороз тоже любитель выпить?

– А как же!? Хе-хе! Ничто человеческое мне не чуждо!

– Понятно! – Виталий внимательно осматривался по сторонам, пытаясь понять: кто и как его разыгрывает. Бросил взгляд на часы: приглашенные должны были явиться с минуты на минуту.

– Опаздывают они, минут на двадцать, – будто прочитал гость его мысли. – В пробку попали за два квартала отсюда.

– Ну конечно! – согласился Пролеткин. – Вы же все знаете!

– Зря улыбаешься... – упрекнул его старикан. – Я действительно все знаю. И мне захотелось выполнить одно твое желание.

– Любое?!

– Нет, конечно! Не любое. А самое заветное, сокровенное и давно желанное.

– Знаю, знаю я эти анекдоты! – засмеялся Виталий. – Про хитрого старика и доверчивого юношу.

– Опошляешь мой приход своим недоверием...

– Ну, тогда один миллион евро, крупными купюрами, в стопке, в том углу. И тут же, чтоб я видел, – выпалил Пролеткин и с сарказмом уставился на гостя. – Что? Слабо?

– Я ведь тебе говорил, – вздохнул седобородый. – Желание самое сокровенное... – он снова разлил водку по стаканам. – А ты хитришь, хочешь большего.

– Ну, и какое же оно, мое сокровенное? – Виталий все с большим вниманием вглядывался в бороду гостя, пытаясь заметить ее бутафорность. И не замечал. В одежду, надеясь найти огрехи в швах или заштопанную дырку. И не находил. – Если ты настоящий, то должен знать: я о нем никогда в жизни никому не рассказывал.

Они подняли свои стаканы, и Дед Мороз медленно проговорил:

– Перестать работать, но продолжать получать свой заработок.

Стакан чуть не выскользнул у Виталия из задрожавших пальцев, а в районе сердца как-то все сжалось и замерло.

– Что? Верно? – засмеялся гость, видя его растерянность. – Ну, тогда за его исполнение! – выпил первым и потянулся за огурчиком.

– Хорошо бы... – неуверенно выдавил из себя Пролеткин, понемногу восстанавливая дыхание. – Только как это все будет выглядеть?

– А очень просто! – тут же откликнулся Дед Мороз и стал объяснять: – Когда пробьет двенадцать ударов, после двенадцати виноградинок съешь еще тринадцатую и громко скажи: «Пусть исполнится». С этого момента каждое первое утро месяца, ровно в 9 часов, на твоём столе будет лежать твоя зарплата – 830 евро (ты ведь столько получил за декабрь?). И эти деньги ты будешь получать до конца жизни, с учетом инфляции, конечно. То есть ты на них всегда сможешь купить столько же товаров и услуг, сколько и сегодня.

– Так просто? – Виталий хмыкнул. – Одну лишнюю виноградинку? И могу не работать? Всегда?

– Да! Ты даже будешь обязан не работать. А если тебя и потянет на это дело... – Дед Мороз сделал паузу, наблюдая, как хозяин квартиры отрицательно мотает головой. – ... То тебе за нее не заплатят ни сантима. Больше денег ты не заработаешь, не выиграешь и не найдешь. Тебе не перепадет никакого наследства, никто на тебя не оформит дарственную.

– Зато будет стабильность и не надо ходить на работу! – закончил Виталий за собеседника. Потом заметил, что до сих пор сжимает стакан. Выпил. Скривился: водка нагрелась от руки до противного. И в этот момент раздался звонок от двери.

– Бегу, бегу! – закричал Пролеткин, вскакивая со стула и добавил, обращаясь к Деду Морозу: – Одну минутку, сейчас я вас познакомлю.

Он открыл дверь, и друзья шумной ватагой ввалились в прихожую и загалдели:

– Здорово! С наступающим! О! Уже и стол готов!

Виталий поднял руку и театральным жестом указал в салон.

– А у меня здесь в гостях... – и замер на полуслове. Седобородый старикан пропал. От него не осталось и следа. Лишь влажный стакан да уменьшившаяся горка огурчиков. Виталий сорвался с места и заглянул в спальню. Там тоже никого не было.

– Так кто здесь у тебя? – недоуменно спросил товарищ.

– Дед Мороз... – растерянно ответил Пролеткин.

– А-а! Тогда понятно! – согласился приятель. – А у нас как раз Снегурочка есть. Так сказать, к комплекту! Знакомься, Светлана, – и из-за его спины вышла девушка, которую больше всего и ждал хозяин квартиры. У него тут же из головы вылетел Дед Мороз. Он заметался, помогая Светлане снять пальто и рассаживая гостей за столом. При этом девушка оказалась на стуле рядом с ним, и Пролеткин, уловив аромат ее духов, так мобилизовал свой умственный потенциал, что был непревзойденным гвоздем всей новогодней ночи. Лишь в момент двенадцатого удара в его мыслях промелькнуло воспоминание о Деде Морозе. Он схватил еще одну виноградинку, съел ее и, дурачась, выкрикнул: «Пусть исполнится!»

После застолья они гуляли по праздничному городу. И уже под утро Виталий проводил девушку до ее дома.

– Я хочу с тобой поговорить о самом главном, – неожиданно заговорила Светлана. – Мы с тобой пока мало знакомы, ты мне еще не дорог, я к тебе не привыкла. Поэтому давай объясню тебе все откровенно, – видя, что Виталий внимательно слушает, продолжила: – Знаю, что я очень привлекательна. Красота – это мое богатство. И, естественно, желаю, чтобы мое богатство находилось в соответствующем оформлении. Сможешь ли ты достаточно для этого зарабатывать? Минимум 1200 евро?

Хоть и несколько смущенный откровенностью ее рассуждений и вопроса, Виталий в душе признал их правоверность и логичность. Поэтому ответил без колебаний:

– Можешь быть уверена: со мной не пропадешь!

Их поцелуй был долгим, сладким и головокружительным.

Виталий после прощания со Светой мчался домой как на крыльях. Уже у подъезда резко остановился, достал мобильный телефон и набрал номер своего шефа.

– С Новым годом вас! Желаю всего самого наилучшего!

– Взаимно! И тебе того же! – загудел в динамике довольный баритон шефа. – Не хотел тебя вчера отвлекать, решил: обрадую в первый день Нового года. Мастера участка переводим на другой объект, а тебя ставим на его место. Со всеми вытекающими из этого последствиями и денежными окладами.

– Ой! – выдохнул ошарашенный Виталий. – ... Даже не знаю, как благодарить...

– Отблаговаришь хорошей работой! – и, попрощавшись, выключился.

«Ну, надо же! – восхищенно думал Пролеткин, взбегая по ступеням к своей квартире. – Мой заработок почти удваивается!» Уже вставив ключ в замок двери, он услышал сигнал своего мобиля. Приложил его к уху, вошел в прихожую да так и замер, прислушиваясь. Звонил главный инженер фирмы, где он работал:

– С Новым годом и поздравляю с повышением! Уже наслышан. Но звоню по другому вопросу. Тем изобретением, которое ты недавно запатентовал, заинтересовался крупный американский концерн. Хотят заключить с тобой контракт на покупку патента. Невероятно! Предварительное предложение цены просто баснословное! Я такого еще не видел! Какая удача! Ты просто гений!

Виталий недоуменно посмотрел на выключившийся мобиля и несколько минут приходил в себя. Лишь одна мысль крутилась в его голове: «Вот это повезло!» Затем появились другие: «Фантастика! Сказка! А кстати, Дед Мороз мне примерещился? – он осмотрел стол с обедками и пустыми бутылками. – Денег нет! Наверняка какой-то розыгрыш! Не иначе! – он взглянул на часы: девять ноль две. – Ну, конечно! А я повелся и орал после тринадцатой... Вообще-то... Часы вроде спешат... – Он включил радио, и почти в тот же момент из динамика раздался сигнал точного времени. С екнувшим сердцем Виталий оглянулся на стол. Там, среди грязных тарелок, лежала пачка новеньких десяток. Ватными ногами он подошел и пересчитал: ровно 830 евро. Тут же зазвонил телефон. Вздвогнув, он автоматически поднес трубку к уху:

– Слушаю...

– Это опять я... – голос главного инженера был растерянным и грустным. – Ничего с патентом не получится: кто-то успел зарегистрировать нечто подобное раньше тебя... И это... Насчет повышения... Мастера возвращают на прежнее место... Шеф просил перед тобой извиниться...

Виталий Пролеткин медленно положил трубку на аппарат. Затем с яростью отбросил от себя пачку с деньгами, и десятки веером разлетелись по всей комнате. Подняв руки со сжатыми в бешенстве кулаками и глядя сквозь потолок, он заорал изо всех сил:

– Ледяной мудака!!! Теперь я понимаю, почему ты говорил «подурачиться»!!!

Сказка – ложь, да в ней...

Тихий летний вечер обволакивал усадьбу сказочным очарованием, негой и покоем. Алмазные россыпи звезд на небе становились вся ярче и многочисленней. Воздух пьянил ароматом буйнорастущих трав, цветов и свежестью протекающей невдалеке речки. Почти полную тишину лишь изредка нарушало поскрипывание кресла-качалки. Да успокаивающее бульканье стоящего на столе самовара. В кресле сидел степенный старик, в молодцеватых глазах которого отражалось звездное небо. Время от времени он подносил к губам огромную кружку и с блаженным видом отпивал очередную порцию горячего чая.

Но вот в глубине огромного дома раздались отдаленные голоса, шум спора, а затем и топота бегущих ног. Не прошло и минуты, как на веранду ворвалось двое ребят десяти– и девятилетнего возраста. С разгону они чуть не опрокинули стол с самоваром и остановились лишь, ухватившись за ручки кресла-качалки.

– Эй! Сорванцы! – старик поспешно поставил кружку на стол, опасаясь облиться чаем. – Пора кончать военные действия! Почему еще не спите?!

– Мама не дала нам поиграть в вирте! – обиженно заговорил младший Федя. – А мы как раз до такого интересного места дошли!

– И правильно, что не дала: время-то позднее!

– Но мы ее уговорили на сказку! – радостно сообщил старший Роман. – И она нам разрешила одну послушать.

– Так почему же вы не послушали сказку в спальне? – притворно удивился все прекрасно понявший старик.

– Деда Гриша! – младший внук деловито схватил печенье со стола и уселся на лавку. – Ты ведь знаешь, что мама не умеет рассказывать сказки! Поэтому рассказывай сам!

– Экие вы... – заулыбался старик. – В вашем возрасте надо самим сказки читать. А не сутками сидеть в виртуальном мире!

– И совсем не сутками, – тяжело вздохнул Роман. – Мама даже сохраниваться не дает! Отключает, и все. И грозилась скоро прийти и отсюда нас погнать. Опять не даст нам твою сказку дослушать!

– Хорошо. Тогда я начну рассказывать сразу. И расскажу вам не простую сказку, а сказку-загадку.

– Только Расскажи про войну! – попросил, подпрыгивая, Федя.

– Нет! Про войну – это плохо! – не согласился дед.

– Ну, тогда про охоту на монстров! – старший внук приложил к плечу воображаемое ружье и изобразил несколько выстрелов. – Пах! Пах! Деда Гриша, ты ведь и такую знаешь?

– Конечно, знаю! И тоже с загадкой. Только, чур: завтра вы должны мне выдать отгадку! Согласны?

– Согласны! – хором ответили ребята, усаживаясь удобнее и протягивая руки к вазочке с печеньем.

– Тогда слушайте внимательно!

Во все древние времена охота служила разумным существам как некое развлечение. Иногда осуществляемое в силу сложившихся обстоятельств только для самообороны. Но иногда охота превращала разумных в неких моральных уродов, отринувших основные устои цивилизованного общества и охотящихся без правил, лицензий и в ущерб природе. Таких в те времена называли браконьерами. И вот, чтобы оградить животный мир от браконьеров, защитники всего живого заставили принять указ о запрете охоты везде и повсеместно. Произойти такое, сами понимаете, сразу не могло. Поэтому сообщество разумных рас выделило для охотников одну огромную планету, где предостаточно обитало диких и злобных хищников. Со звучным

названием Бельмо. На ней можно было охотиться раз в году, весной, по специально купленной за большие деньги лицензии.

Каждую весну на планету прибывали несколько сотен самых знаменитых охотников и соревновались: кто первым подстрелит свою добычу. Охотиться можно было чем угодно. Хоть руками! Или хвостами, или ногами. Короче всем, чем природа наделила свои создания в процессе эволюции. Причем сам процесс охоты постоянно фиксировался в видеозаписи каждым участником для истории. Когда хищник падал бездыханно на грунт, в тот же момент из камеры, расположенной на плече, голове или груди охотника, уходил сконцентрированный сигнал с записью на его родную планету. На нем обозначалось точное время удачного выстрела, и это являлось решающим в определении победителя.

Так прошло много лет. Но настало время, когда защитники всего живого так усилили свои совместные действия, что Объединенное правительство на несколько лет под давлением общественности прекратило продажу лицензий. Охотники так просто не сдались. Организовали свое встречное движение. Доказывая, что имеют полное право на отдых, хобби и увлечения. Призывая к здравому смыслу и благосклонной снисходительности.

Самым главным доказательством своей необходимости охотники считали историческую повседневность. Мол, общепризнано, что охотник – самая древнейшая профессия в цивилизованных мирах. Упразднив ее даже в виде простого развлечения, разумные существа лишат себя прошлого и, как следствие, настоящего и будущего.

В конце концов, несколько лицензий все-таки было продано. И по такой цене, что даже защитники животных притихли и прекратили открытые протесты. А получившие лицензии охотники со всей возможной скоростью своих летательных аппаратов устремились к знаменитой планете. Но так уж получилось, что на Бельмо прибыли не самые лучшие и знаменитые охотники, а самые богатые. Те, у кого хватило денег на покупку немислимо дорогих лицензий. Но сам процесс охоты от этого не стал менее увлекателен.

Охотник Шанх не пользовался техническими приспособлениями. Справедливо полагая, что само его тело – самое лучшее во Вселенной оружие. Своим концом хвоста, на котором располагалась мощная присоска, он прикрепился к отвесной скале. Затем аккуратно сложил концентрическими кольцами свое серое тело и упрятал в середину голову с огромной пастью. Оставалось только дожидаться добычу. И она не заставила себя долго ждать. По тропе вальяжно передвигался небольшой ящер с полной пастью острейших зубов. Своими маленькими лапками он бережно держал нечто овальной формы, но явно животного происхождения.

«Завтракать собрался! – подумал Шанх. – Но кого это он мне напоминает?.. Ну да! Точно такие же жили на нашей планете в палеозойскую эру! Вот это удача! Отличное чучело из него получится!»

Тело Шанха вытянулось струной, и нерадивый ящер вместе со своим завтраком оказался в мгновенно раздавшейся змеиной гортани.

Охотник Охо своим строением походил на летающую тарелку. Только очень плоскую и гибкую. Зато мог летать с большой скоростью. И когда заметил гигантского хищного комара, то резко спикировал на него и ударил всей плоскостью своего тела. Одновременно вводя под хитиновый панцирь трофея парализующий яд.

«Какой редкостный экземпляр! – Охо залихватски свистнул от радости. – За него можно получить денег раза в три больше, чем я потратил на покупку лицензии!»

Охотник Блюд, хоть и не чурался самого современного оружия, в первую очередь всегда полагался на свои длинные ноги. В поисках жертвы он мог бегать часами, покрывая при этом огромные расстояния. Но в тот день ему просто сказочно повезло: всего минут пятнадцать

понадобилось ему для того, чтобы с разбегу наткнуться на тяжело взлетающего воздушного хищника. Видимо, тот как раз плотно пообедал. Не раздумывая ни секунды, Блюд всадил в добычу полный заряд из своего парализатора и заорал дурным голосом от счастья. Ибо гигантская туша с двойной челюстью упала на землю, выставив к свету свое белое брюхо с многочисленными воздушными плавниками.

«О-о-о-о! Теперь главное, – Блюд никак не мог сдержать свое нервное возбуждение, – чтобы трофей поместился в моем рюкзаке! А то придется на орбиту мотаться за коконом!»

Охотник Асиня передвигался прыжками. В нижней части его круглого тела находились мембранные мышцы, позволяющие взлетать на высоту пятнадцати своих ростов и во время полета обозревать местность, преследовать добычу и вести огонь из всего имеющегося в его арсенале оружия. Асиня двигался с приличной скоростью, когда в одном из прыжков заметил летящего между скал параллельным курсом гибкого и длинного змея. Каждая чешуйка змея блестела и отличалась неповторимой окраской. В следующий прыжок Асиня немного подправил траекторию и отравленными иглами сбил великолепный экземпляр на грунт.

«Вот так чудо! – Асиня с восторгом водил своими маленькими ручками по сверкающей змеиной коже. – Каков красавец! Видимо, питается отменно! И сейчас в его утробе что-то ворочается. Переваривается! На орбите разберусь, а пока в нижнее отделение упакую. Вполне уместится!»

Он тут же сместил свою верхнюю полусферу в сторону и с благоговением уложил трофей на мембранные мышцы.

Охотник Пух трепетал всем своим телом от удовольствия: великий день настал! И он не упустит своего шанса! И ему в добычу достанется самое хищное, свирепое и опасное животное! На мелочь он даже не будет отвлекаться. Поэтому Пух взлетел своим телом-шаром как можно выше. Чтобы оттуда лучше высмотреть цель. Как ни странно, долгое время никто не попадал в поле зрения четырех глаз охотника. Он уже и нервничать стал, когда наконец-то увидел весьма забавную и завораживающую сценку. На земле лежало огромное и уродливое животное, а по нему ползало существо, очень похожее на паука.

«Гляди-ка! – безмерно удивился Пух. – Сам паучок такой маленький, а какого себе гиганта на обед свалил! Не иначе как ядом своим воспользовался. Неужели всего съест?! Хотя нет, скорей всего он на него яйца будет откладывать! Но, видать, тоже тварь редкостная: надо его срочно захватить. Наверняка прославлюсь после поимки такого экземпляра!»

Стремительно снизившись, Пух выпустил целое облако сонно-парализующего газа из своих внутренностей. Вот только на паучка это не сильно подействовало. Хотя верхняя конечность у него бессильно свесилась вниз. Пришлось добавить синюю молнию из электроарсенала. И только когда паучок завалился набок, дрыгая ножками, Пух величественно опустился на добычу и накрыл своим телом. Забирая во внутренний надувной отсек и паучка, и гигантское животное, на котором уже наверняка созревали в яйцах тысячи новых паучков.

Ловкость Вьюра среди его друзей-охотников вызвала откровенную зависть. Лишь он мог вытворять фигуры высшего пилотажа не только в воздухе, но и в жидких субстанциях. И очень часто использовал эти свои особенности одновременно. Вот и сейчас Вьюр притаился на мелководье, поджидая в небольшом озерке, пока кто-нибудь из хищников не придет на водопой. Из-под воды ему довелось увидеть, как один из кандидатов в трофеи атаковал нечто несуразно медленно летящее, а затем с добычей опустился прямо на берегу озера. Как раз возле того места, где затаился Вьюр.

«На ловца и зверь бежит! – радостно констатировал охотник и стремительным броском протаранил головой ту часть хищника, где у него между глаз предположительно находился центральный орган управления. – Угадал! Ну, я молодец! Одного удара хватило!»

Вьюр, извиваясь всем телом, скатал трофей, словно ковер, запаял его специальным пластиком, который не могли разжесть его желудочные соки, и запихнул добычу в свою глотку.

«Отлично! Даже фигура моя от этого не изменилась!» – подумал Вьюр и с ленивой вальяжностью отправился к своему кораблю.

Охотник Хлап славился чрезмерной заносчивостью, хвастовством и самонадеянностью. Ну и, конечно, обилием денег. Он не дал малейшего шанса ни одному своему конкуренту при покупке лицензии и сейчас чувствовал себя на семисотом небе от счастья. Оружием ему служил расположенный в верхней глотке объемный мешок со страшной смесью, которую с легкостью вырабатывал его организм. Когда смесь под нужным давлением вырывалась наружу, то сразу же возгоралась от соприкосновения с кислородом. Не оставляя добыче и малейших шансов на спасение.

Вот и сейчас Хлап на всей скорости атаковал извивающегося между скал монстра и одним метким «дыханием» прожарил гигантскую пасть хищника, в которой виднелись перепончатые лапы какого-то несчастного зверька.

«Недолго музыка играла: жить чудо-юдо перестало! – с презрением засмеялся Хлап и максимально открыл нижнюю челюсть. Резко подрагивая всем телом, он протолкнул трофей во второй желудок, который служил в основном как склад. – Теперь эти жалкие знатоки фауны просто лопнут от зависти!»

Охотник Гырл просто обожал устраивать засады. А по поводу устройства различных ловушек, силков или западни написал в свое время несколько книг, которые весьма прославили его имя среди охотников Вселенной. Гырл всегда утверждал: достаточно грамотно установить приманку, и добыча сама туда попадет по собственной неосторожности. Вот и сейчас он построил на основе противовесов такую сложную, но надежную ловушку, что не прошло и часа, как в опустившейся сетке забарахтался вопящий от ужаса хищник. Мудро усмехаясь, Гырл направил на мохнатый шар струю парализующего газа и, выпутав трофей из сетей, понес к своему кораблю. Ему не терпелось поскорей свериться с каталогами и провести классификацию хищника.

«И не нужны ни разрывные пули, ни лазеры с оптическими прицелами! Достаточно лишь пошевелить извилинами!»

Гиви был единственным человеком, которому удалось купить лицензию на охоту. И, пожалуй, самым горячим приверженцем стрелкового оружия. А небывалую сноровку и меткость в обращении со своей скорострельной винтовкой он выработал, буквально разнеся в щепки несколько тиров в последние годы. Несколько постоянных работников только тем и занимались на территории его замка, что ремонтировали рухнувшие стены и продырявленные имитаторы виртуальной реальности.

На Бельмо Гиви прибыл на своем новейшем роботе, который так и назывался: Подспорье для Охотника. А самым главным и удобным отличием робота являлась его уникальная всепроходимость, совмещенная с приличной скоростью. Так, например, Подспорье мог проходить скальные вертикали с отрицательным уклоном. И передвигаться на нем, сидя в удобном кресле, было настоящее удовольствие. Поэтому Гиви немного расстроился, когда охота очень быстро закончилась. Он даже не успел хорошо присмотреться к диковинному монстру, как его руки автоматически вскинули винтовку, и серия пуль разворотила лобное место чудовища между глаз и громадным клювом. Несколько секунд несуразное животное стояло в недви-

жимости, рассматривая Гиви стекленеющим глазом. А потом рухнуло на бок, сотрясая вокруг себя всю местность.

«На такую добычу ногой не станешь! – мысленно восклицал Гиви. – Для впечатляющего кадра надо забраться на самую верхушку его огромного брюха!» – и ловкий Подспорье стал карабкаться на поверженного хищника.

Единственно, кому не удалось похвастаться добычей, – был Зуки. Видимо, сказалось постоянное переедание в последние годы. Прозрачные крылья еле справлялись с полетом на самой минимальной скорости. А уж о более выгодном наборе высоты Зуки и не мечтал. Направив свой нос-хобот на пролетающую внизу поверхность, он уже был согласен на любую добычу, лишь бы охота поскорей завершилась. В носу у него находилась стрела с сильно действующим ядом, и самый сильный монстр должен был моментально пасть от малейшей царапины.

Неожиданно Зуки услышал подозрительный свист откуда-то сверху. И поспешно направил туда свой взгляд. Успел заметить лишь вибрирующее копьё, несущееся к нему почему-то боком. В тот же момент копьё странно преобразовалось в непреодолимую стену, и свет в фасеточных глазах Зуки померк. Сознание, естественно, тоже.

Больше же всех отличился охотник Бум из расы шустриков. Этот маленький и подвижный человечек состоял, как и все его сородичи, из полуметрового, плотно сбитого тельца и полуметровой, полностью лысой головы, которая постоянно тянула несущее ее тельце во всякие авантюры и приключения. Вот и на планету Бельмо охотник Бум прилетел на суперновейшем звездолете, который мог вытворять по заданиям пилота что угодно. Хоть бабочку поймать! Не повредив при этом даже пыльцу на крылышках.

Но самой главной достопримечательностью корабля были недавно изобретенные шустриками невероятные дюзы, работавшие на совершенно отличительном, как до сих пор, топливе. При этом дюзы выделяли странную лучистую энергию, попадая под которую любое вещество стекленело и становилось прозрачным. Сохраняя при этом все внутренние цвета и четкие разделения по структурам. Вот эти-то дюзы и спешил испытать Бум в первую очередь. И тоже ни секунды не стал мешкать, заметив черный, подрагивающий от судорожных удовольствий сплюснутый шар. Шерсть клочьями торчала у хищника в разные стороны, маленькая пасть периодически раскрывалась, исторгая нечто похожее на рычание.

И Бум направил на хищника дюзы своего корабля. Облучил трофей продолжительным выхлопом и поспешил произвести посадку на противоположном краю обширной поляны между скал.

– В заключение хочу добавить, – рассказчик сделал жест своей дочери, чтобы она дала еще одну минуту, – что с тех пор охота на живых зверей запрещена вовсе. А вот почему это произошло, вы мне и должны завтра рассказать!

– Деда Гриша! – старший внук опомнился первым. – Но ведь так нечестно! Мы даже приблизительно не знаем отгадки!

– А я вам подскажу, где ее найти! – обрадовал внуков старик. – Вам повезло жить в столице. А в нашем историческом музее по невероятному стечению обстоятельств собраны все трофеи вышеперечисленных охотников.

– Ух, ты! Не может быть! – воскликнул Федя.

– Может! Еще как может! Вот посетите музей и будете знать отгадку.

На следующий день ребята после занятий поспешили в музей. А когда добрались до нужного им зала – долго стояли в растерянности, по несколько раз перечитывая пояснения на подставках прозрачного экспоната:

«Самая большая, наружная оболочка принадлежит охотнику Пуху. Основной центр его жизнедеятельности расположен наверху. А вот в его раздуваемом по надобности поддоне-камере в первую очередь виден охотник Гиви на своем великолепном роботе, весьма напоминающем изящного паука. Все остальное место в камере занимает охотник Блюд. Разумный страус из сто сороковой SQV Галактики. В его совершенно прозрачном рюкзаке все пространство занимает охотник Хлап, разумный окунь с двумя челюстями и способностью перемещаться в воздушном пространстве. В его нижнем желудке-складе вы можете наблюдать весьма удобно там расположившегося охотника Шанха. Из расы разумных гигантских змееподобных. В его огромной пасти видны конечности охотника Гырла, разумного саблезубого ящера с планеты Дино, книги которого с личным автографом считаются сейчас самыми дорогими во всей Вселенной. Великий писатель Гырл крепко прижимает к своей груди охотника Асиню, который родом из самой богатой Галактики среди всего разумного мира: Галактики Буйных Звезд. Колобкообразные особи, подобные Асине, передвигаются прыжками или, очень редко, перекатыванием. В нижней части Асини лежит сложенный в кольца разумный червяк-игла, охотник Вьюр. В середине его туловища просматривается скрученный в аккуратный рулончик охотник Охо. И уже в нем, словно начинка в блинчике, вы, если присмотритесь, увидите охотника Зуки. Относящегося к редчайшему и малочисленному виду разумных комаров...»

Вечером оба внука еще долго беседовали с дедушкой Григорием на тему последней галактической охоты. Признавая при этом без всяких оговорок, что охота на живых существ и в самом деле наибольшее зло во вселенной.

Старик только похвально кивал, разве что в финале вечера добавив некоторые сведения от себя:

– Кстати, ни одного из активистов организации ЗЖО (защита живых организмов) так и не смогли привлечь к судебной ответственности за тайный вывоз всех диких животных с планеты Бельмо накануне весенней охоты. Ха-ха!.. А вот шустрику Буму, самому «удачливому» и «последнему» охотнику, дали по совокупности преступлений пять тысяч четыреста семнадцать лет каторги.

Человек, который умел слушать

Даже не знаю, как меня угораздило взяться за этот контракт. Вряд ли слишком уж большие комиссионные. Я уже давно вышел из того возраста, когда хватался за любую работу, лишь бы быстрее да больше заработать. Скорей всего лично хотел побывать на этой интересной планете. Планете с уникальным, неповторимым растительным миром. И не обратил внимания на предупреждения о правящей там диктатуре и полицейской бюрократии. Потому и влип. Да так, что хоть сливай воду и уходи на пенсию.

Деньги заказчика были вложены все до последнего галакта. Для какого-либо финансового маневра средств совершенно не было. Оставалось только на уплату среднестандартной пошлины. А когда мне сообщили о размере налога... Он был больше половины стоимости самого товара!

Оставался только один выход: срочно продать товар. При этом потери перекрывали все мои комиссионные и «съедали» чуть ли не все мои сбережения. Столько лет вкалывал, старался, хитрил, и все коту под хвост!

С утра надо было начинать загрузку лихтера этими проклятыми смологасскими сосульками, а час назад я узнал о нереальном налоге. И принял решение продавать товар. Но торг можно проводить лишь утром. А в моем состоянии ничего не оставалось делать, как залить алкоголем себя до скотского состояния.

Название бара-ресторана «Старый Витязь» сразу бросилось мне в глаза. Так что не пришлось искать далеко место для принятия на душу алкогольного дурмана. И самый первый мой заказ был:

– Полную порцию самого крепкого пойла!

Не проронив ни слова, бармен поставил требуемое и с содроганием посмотрел, как я выпил местную самогонку. Меня, естественно, передернуло еще больше. Да и дыхание сперло. Когда слегка отпустило, прохрипел:

– Простой водки! Напиться – и ее хватит! Всю бутылку!

Бармен понимающе закивал головой и спросил:

– А закусить?

– Если я стану закусывать, – сообщил я ему доверительно, – то у тебя самогона не хватит!

– Если ты хочешь напиться, – не менее доверительно ответил он, – то, видимо, имеешь основательные причины?

– С вашей таможней причины так и сыплются на голову! Запросто придавить могут! – пожаловался я. – А уж нищим от вас уехать, так вообще раз плюнуть!

– Зачем же так торопиться к нищим? – бармен наклонился ко мне над стойкой. – Могу предложить одного хорошего знатока всех местных законов и правил. За хороший ужин он даст дельный совет, как справиться с трудностями. И всегда его угощающий человек уходил после ужина довольным.

– И он здесь? – во мне затеплилась небольшая надежда. Чем черт не шутит? А вдруг и вправду какой выход есть? Для такого дела и сто ужинов не жалко! – Или надо его ждать?

– Тебе повезло! Он только что прибыл и усаживается вон за тем столиком! – бармен помахал рукой садящемуся за третий столик справа грузному старику. Тот сразу ответил таким же приветствием. – Поговори с ним.

– Хорошо! Но что надо заказывать?

– Мне прекрасно известны его вкусы. Через несколько минут подам. А тебе? Хочешь посмотреть меню?

– Да нет... – я с сомнением посмотрел на бутылку и с робким оптимизмом на старика. – Давай то же, что и ему!

Бармен согласно кивнул, тут же поставил на стойку два стакана, подморгнул и скрылся на кухне. А я пошел к старикану. Тот не сводил с меня взгляда и смотрел чуть ли не в рот. Неужели так был голоден? Да нет, вроде непохоже! Упитан, цвет лица здоровый, кожа не дряблая, не болезненная.

– Грегори! – представился я более понятным в иных мирах именем и пожал крепкую мускулистую руку.

– Ричард! – услышал в ответ и присел на предложенный мне напротив стул. – Раз вас ко мне направил бармен, значит, у вас возникли неразрешимые проблемы. Не ошибся?

Голос у старикана был слишком громким, но приветливым. Да и добрая улыбка явно располагала к откровению. И чуть ли не с первых секунд я почувствовал к нему симпатию и доверие. А последующая беседа только усилила их. Последний ледок моей скованности растаял под жарким дыханием от выпитого самогона и разливаемой на двоих бутылки водки.

Ужин нам подали действительно отменный, если не сказать – царский.

И вдобавок ко всему мой сотрапезник умел слушать, как никто другой в мире. Пока я излагал ему свои проблемы, он только поддакивал, изредка что-то переспрашивал, уточняя, да глубокомысленно кивал головой. Лишь когда он уяснил все подробности дела, завершил мой рассказ своим собственным резюме:

– Значит, наша таможня решила не вникать в подробное объяснение по поводу использования смологасских сосулек? А раз они пойдут в производство и послужат основой для чего-либо, то они бесспорно решили приравнять их к разделу «сырье». И пусть даже оно нам самим не нужно, под ногами валяется, но! Раз кто-то испытывает в нем необходимость, значит, облагается пятидесятипроцентным налогом. Увы! Таковы законы нашей планеты!

– И ничего нельзя сделать? – я замер с вилок над своей порцией мяса.

– Может, и найдем лазейку, но надо все хорошенько обдумать... – Ричард хлопнул меня по руке и засмеялся: – Часть вопроса уже решена: надо найти смологасским сосулькам другое применение. И зарегистрировать покупку для других целей!

– Зачем надо мной смеяться? – обиделся я. – Это я и сам понимаю! Но как это сделать?

– Никто и не думал над тобой смеяться! – успокоил меня старикан. – Просто хочу, чтобы у тебя улучшилось настроение. Тогда мы вместе быстрее найдем выход из создавшегося положения. И не сомневайся, пока мы будем говорить, мои мозги будут работать на полную мощность. И этой работе ничего не помешает. Так что можешь даже мне рассказать о чем-нибудь веселом. Для лучшего фона размышлений. Тебе ведь наверняка известно много новых шуток и веселых рассказов. Или поведай мне о вашей планете. Никогда не довелось побывать на Земле. Даже не слышал о такой. Что у вас там интересного?

Про родной дом я всегда вспоминаю с удовольствием. И слова стали слетать с моих уст легко и без нажима.

– Действительно, о Земле есть что рассказать... Где меня только не носило, но таких редких планет довелось увидеть не более тридцати. А может, и меньше. Вот у вас здесь: орбита вокруг звезды круглая, сутки короткие, климат почти везде одинаковый. Только жара и дождь. А у нас суша занимает лишь одну восьмую поверхности. Остальное – вода! А на полюсах сплошные льды! И холод там! До восьмидесяти градусов мороза доходит.

– Так ведь там и жить нельзя! – воскликнул старик.

– А там никто и не живет! – подтвердил я. – Разве только некоторые животные в сезон, да ученые для исследований построили несколько станций. Да в последнее время настроили санаториев и домов отдыха. Особенно они популярны среди туристов из жарких стран экватора. Любуются из-за прозрачного пластика на ледники, сугробы и снежные метели.

– А что такое «снежные»? – удивился Ричард.

– Снежные – это состоящие из миллионов маленьких снежинок. Ты можешь увидеть подобные кристаллические образования в морозилке. Они образуются в атмосфере в холодное

время года и опадают не в виде дождя, а в виде снега. Если бы ты знал, как это здорово! В том месте, где я живу со своей семьей, четверть нашего года – зима. И вот тогда падает много снега, замерзают водоемы и можно кататься на санках, лыжах и коньках.

Удивлению Ричарда не было границ. Пришлось ему даже нарисовать санки, коньки и разъяснить принцип катания на этих, с детства мне знакомых, устройствах. Затем разговор как-то сам собой перешел на семью. Пожаловался, что редко выпадает возможность побывать с детьми: мотаюсь, как неприкаянный, по всей Галактике. Последний раз удалось дома побывать уже давно, как раз на наш последний Новый год. Внезапно я вспомнил о носимых с собой голографических фотографиях и принялся показывать собеседнику всех своих родных и близких.

– Вот здесь мы все вместе, во дворе нашего дома! – объяснял я, настроив проектор всего лишь на пол нашего стола. – Вот моя жена играет на пианино.

Это – мой родной брат со своей семьей. А здесь мы готовимся к праздничному ужину. Накрываем на стол. Как тебе моя дочь? Еще бы! Самому не верится, что такая красавица! А это – мой старший сын. В форме выпускника навигаторского училища. Тоже красавец? Спорить не буду, со стороны видней.

– А где это он сфотографирован? В лесу, что ли?

– Нет! В самой большой комнате. А это дерево – ель называется. Есть у нас такая традиция: на Новый год устанавливаем ель в доме и украшаем игрушками. А ночью приходит Дед Мороз, эдакий местный волшебник, и приносит каждому подарки. И оставляет под елкой. Радость детворы по утрам, когда они находят игрушки, запоминается на всю жизнь. А вот на этой фотографии...

Но Ричард меня недослушал, а неожиданно крикнул кому-то за моей спиной:

– Алсук! Сынок, подойди к нам на минутку!

На его просьбу откликнулся молодой парнишка, лет восемнадцати. Когда он подошел к нашему столику и поздоровался, старик спросил:

– Ты ведь уже год, как в порту работаешь? Должен уже многих знать! – получив в ответ утвердительный кивок, продолжил: – Самую броскую красавицу среди таможенниц знаешь? Далси ее зовут. Говоришь, ее все знают?! Конечно, самая рыжая и самая красивая! А завтра она с утра заступает на смену? Я не ошибся? Вот и прекрасно! Спасибо большое! Будь здоров и передавай привет своему отцу!

Когда парнишка убежал, Ричард разлил остатки водки по стаканам и радостно потер руки:

– Что я тебе говорил?! Не зря еще моя голова на моих плечах красуется!

– Вы что, придумали выход? – спросил я, затаив дыхание.

– Таможенница Далси! Вот кто тебе поможет! Она, между прочим, редкая красавица!

Ожесточенно почесав затылок, я все-таки решил высказаться напрямую:

– Вы знаете... я бы не хотел совершать никаких противоправных действий...

Хоть я и упустил из виду некоторые законы о налогообложении на этой планете, но самое главное я запомнил на все сто. Не дай бог здесь было дать кому-либо взятку! Или даже предложить ее! Здесь это было чуть ли не смертельно! Лучше уж лишиться всего нажитого добра и влезть в долги, чем застрять здесь в тюрьмах до конца своих дней! И странные намеки на помощь некоей таможенницы заставили сделать меня далеко идущие выводы.

Все эти размышления Ричард прочитал по моему лицу и расхохотался. Долго смеялся и чуть ли не до слез. Потом, извиняясь, похлопал меня по плечу и стал подробно разъяснять свои измышления:

– Сразу хочу тебя успокоить: ничего противозаконного я никогда и никому не предлагаю. Просто очень полезно знать как можно больше обо всем и обо всех. Далси не просто красивая девушка, она еще и очень мечтательна. Среди окружающих она даже не пытается подыскать

себе соответствующую пару. Она хочет принца! На коне! И самого прекрасного! Брюнета! И кстати, твой сын по всем стандартам для нее подходит. И мы этим воспользуемся!

– Как?! – не выдержал я. – Да он даже не знает, где я нахожусь!

– А это и неважно! Главное, что он существует! И не где-нибудь в воображении, а на конкретной фотографии. – Ричард, заметив, что я опять хочу его перебить, попросил: – Давай я изложу свои мысли до конца, а ты потом задашь свои вопросы. Отлично! Так вот! Завтра ты идешь непосредственно в ее офис. Очередей у нее нет, она самая строгая и въедливая. Клиенты боятся к ней входить, даже полюбоваться несравненной красотой. Туда попадают или по ошибке, или полные новички. Которым вдобавок некогда. Зайдя к ней, ты должен воскликнуть: «Какое совпадение! Мой сын бы сам прибыл сюда, если бы знал, что найдет девушку, похожую на его идеал! У него уже давно есть картина незнакомки, в которую он заочно влюблен. И она как две капли воды похожа на вас!» Дальше попроси просто разрешения сделать фото для своего сына. Здесь у нас это считается хорошим тоном. Как бы невзначай покажи и фото своего сына. У этой, как ее?.. Елки! А затем сразу переходи к деловой части. И учти: чем четче и жестче ты сформулируешь свое заявление, тем больше у тебя шансов на успех! И начнешь...

Дальше он мне расписал все мои действия. До последнего слова, до последнего движения. И чем больше я его слушал, тем выше поднималось мое настроение. Если это было маловероятно поначалу, то теперь все больше и больше я склонялся к мысли, что может получиться! А вспоминая свои умственные терзания всего двухчасовой давности, напрашивался вывод о том, что Ричард предлагает самое верное решение.

Еще раз выслушав подробный инструктаж и пояснения, я расплатился за ужин и со спокойным сердцем отправился спать.

Встал пораньше, привел свой внешний вид в самый образцовый порядок, взял контракт на покупку, проектор и отправился в космопорт.

Если говорить о волнении, то его поначалу не было совсем. Даже посмеивался немного про себя, когда невероятная красавица, хлопая ресницами от удивления, стала выслушивать мои инсинуации по поводу совпадений. Она действительно была неповторима и с первого взгляда разила наповал. Но позже любой мужчина начинал отмораживаться возле нее. Красота ее была просто ледяной! Когда я это понял, то заволновался. А после фотографирования ее прекрасного личика и показа изображения моего сына стал даже паниковать. Ибо на лице Далси не дрогнул ни один мускул. Не говоря уже о подобии улыбки. Она выглядела, как ледник! Неумолимый, блистательно-прекрасный, но губительный и равнодушный! Который нависает над собеседником, закрывает свет и грозит придавить своей многотонной тяжестью, как букашку.

Поэтому я резко перешел на спасительный тон делового разговора.

– Мною куплено триста тонн смологасских сосулук. Товар упакован в стандартные контейнеры и готов к погрузке. Грузовой лихтер уже ждет. Прошу заверить мою таможенную декларацию!

Девушка внимательно прочитала заполненные мною бумаги и подняла на меня строгий взгляд.

– Зачем вам так много смологасских сосулук?

– Там ведь написано! Черным по белому! – независимым тоном ответил я. Но без злости или раздражения.

– И вы собираетесь... – она еще раз глянула в бумаги и скептически сложила губки, – «играться» таким количеством сосулук?

– Ни в коей мере! Там ясно указано, что товар будет применен для украшений определенных объектов.

– Странно! Никогда о подобном не слышала! – в голосе Далси послышался металл, и я понял, почему клиенты стараются не оформлять у нее бумаги.

– В каждой избушке свои погремушки! – изрек я старую пословицу. И стал объяснять: – В наших системах есть такие народные обычаи: встречать Новый год под красочно наряженной елкой. Для этого и используем любые, радующие глаз украшения. Кстати, вы ведь только что видели фото моего сына. Взгляните еще раз. Вот, видите? Такие же сосульки на елке? А ваши смологасские сосульки будут смотреться очень даже неплохо. Планируется даже наносить на них некоторые отсвечивающие и святающиеся элементы. Тогда деревцо будет светиться даже в темноте.

– А с чего это вы решили их покупать у нас? – в голосе девушки впервые послышалась некоторая растерянность.

– Это не я решил, а мой сын. Он сейчас на планете, где почти нет снега. На практике. А Новый год – традиция очень стойкая. Там тоже хотят праздновать. От имени своей фирмы сын решил закупить ваши сосульки и использовать в комплектах для детских подарков. Что может быть лучше в таком случае, чем натуральное, естественное и природное вещество?

– Если рассуждать здраво, ваш сын вряд ли что заработает на подобной операции! – ее пальчики молниеносно сновали по клавиатуре компьютера.

– Не на всех желаниях окружающих можно зарабатывать! – нравоучительным тоном произнес я. Девушка упрямо возразила:

– Что-то он у вас слишком добрый!

– Странно, что вы не любите добрых! – отпарировал я. И продолжил с удивлением: – Но почему вас интересует характер моего сына? Ставьте печать, назначайте налог и прошу меня не задерживать.

– Постараюсь оформить ваши бумаги как можно быстрее! – и тут я заметил, что девушка явно волнуется. Лоб ее покрылся испариной, а язычок непроизвольно пару раз облизал губы. – Но мне необходимо проверить все правила и законы. Найти параграф, под который подпадает ваш товар.

И тут же почти неслышно зашуршала клавишами. Я же встал и стал прохаживаться по офису, выглядывая в общий зал. Даже напевал себе под нос бравурный марш из какого-то кинофильма. Проектор, естественно, я выключить забыл. И правильно сделал. В отражении стекла я заметил, как таможенница несколько раз замирала, вглядываясь в изображение. Может, поэтому, а скорей всего оттого, что законов было слишком много, оформление затянулось почти на полчаса. В конце этого времени Далси подозвала меня расписаться и выдала вердикт:

– Я проверила все аналогичные ситуации. Подобного прецедента в нашей истории не наблюдалось. А то, что не запрещено, разрешено! Ваш товар налогом не облагается! Вот разрешение на погрузку и счастливого пути!

Мне стоило невероятных усилий, чтобы сдержаться и не запрыгать от радости. С внешним спокойствием я забрал бумаги, попрощался и устремился на территорию космопорта. Веря и не веря в свою удачу.

День прошел в сумасшедшем темпе загрузки. Даже воду я пил чуть ли не на ходу. Зато под вечер капитан космического лихтера меня обрадовал:

– Мы уложились даже раньше времени! Целый час еще до старта!

Ну как было не воспользоваться таким моментом?! И я со всех ног бросился в бар-ресторан «Старый Витязь». Сразу оглядел все столики: Ричард отсутствовал! Не было и знакомого бармена. Вместо него за стойкой стояла девушка с игривыми глазками и обслуживала немногочисленных клиентов. Для начала я заказал себе большой освежающий коктейль и только потом поинтересовался:

– А где тот симпатяга мужчина, который работал вчера вечером?

– Скоро будет, через час, полтора! – с готовностью ответила девушка. – Я его время от времени заменяю.

– Жаль, – расстроился я, – хотел его увидеть, да через минут десять бежать на корабль.

– Может, ему что передать? – спросила молодая барменша.

– Передайте ему: большое спасибо! Он мне вчера помог, свел с очень умным человеком. Жаль, его тоже нет... Ричард его зовут.

– Это не тот старикан, что усаживается за третий столик справа?

Я оглянулся в направлении, что указала девушка, и увидел своего спасителя-советчика. Он как раз уселся за столик и рассматривал принесенную с собой газету. Не в силах сдержать радостного порыва, я громко крикнул:

– Ричард! – но старик даже не поднял голову. Тогда я еще громче выкрикнул его имя. В ответ – та же реакция. Зато слева от меня заговорил высокий мужчина. Он повернулся от стойки и обратился ко мне:

– Зря кричите! Он ничего не слышит!

– Как не слышит?! – опешил я. – Мы же с ним вчера весь вечер проговорили!

– Да он глухой с молодости. Лет в восемнадцать на него упал ящик при погрузке, вот тогда он и остался без слуха. С тех пор получает пенсию, но вся его жизнь связана с космопортом. Знает буквально все и о каждом. И всем помогает советом. Его так и зовут: Советчик. Наверняка и вам чем-то помог?

– Еще как помог... – подтвердил я. – Но как же он меня понимал?

– А он по губам превосходно читает...

В этот момент Ричард поднял голову, и наши взгляды встретились. Он заулыбался, узнав меня, и приветливо махнул рукой. А я пошел его благодарить. От всей души и от всего сердца. Сожалея, что так мало времени осталось для нашей последней встречи.

А уже возле корабля меня догнала строгая таможенница. Она шла с высокомерным видом и смотрела вокруг себя с королевской надменностью и величием. Полностью игнорируя тот факт, что ее рыжая копна волос привлекает внимание всего космопорта. Сердце дрогнуло от нехороших предчувствий, но они быстро рассеялись. Далси лишь официально протянула мне небольшую пластиковую карточку и сказала:

– Здесь мой почтовый адрес и вводные параметры для дальней связи.

Видя, что я замер в непонимании и с растерянностью верчу визитку в руках, она добавила, но уже чуть дрогнувшим голосом:

– Мне просто интересно узнать: сойдется ли мое изображение с портретом, который есть у вашего сына.

Тут же повернулась и ушла. А я понял, что айсберг – это просто ее маска. И никто до меня не смог заглянуть под эту маску и увидеть романтическую и мечтательную натуру. Никто, кроме меня и... Ричарда!

Прошло пять лет. Я вполне удачно завершил свою карьеру и вышел на пенсию. С весьма солидным капиталом, между прочим. И всегда с огромной благодарностью вспоминал о Ричарде-советчике с далекой и малознакомой планеты. Да и не смог бы о нем забыть никогда. Потому что каждый день мне об этом напоминают рыжие вихры моих внуков, четырех- и трехлетнего возраста. Славные детишки! У меня внутри все сжимается от восторга, когда они рядом со мной. Хотя иногда они могут любого довести до белого каления! Своим непредсказуемым поведением! Вот как сейчас: сцепившись в один комок, они с рычанием подкатываются к моим ногам. Может, их испугать?

– А ну, прекращайте хулиганить! Приедет отец, обязательно на вас пожалуюсь!

Внуки тут же умолкают, умильно помогают один другому подняться на ноги, и старший спрашивает:

– А папа скоро прилетит?

Откуда я могу знать? Может, завтра, может, через неделю! Жизнь у звездных навигаторов непредсказуема. Пока я раздумываю над ответом, из-за угла дома появляется Далси, и я вздыхаю с облегчением:

– Лучше у мамы спросите, она все знает!

Внуки тут же срываются ей навстречу, а она с холодностью снежной королевы бросает взгляд в мою сторону. Но я-то уже не боюсь таких взглядов. Я-то прекрасно вижу, что внутри она смеется. Потому что действительно знает многое. И кто ее тесть на самом деле. И какой он обманщик. Но... никому об этом не рассказывает. И правильно делает! Ведь жить в сказке более интересно и завлекательно. И там всегда найдется место для мечтаний...

Которые очень часто сбываются!

Соленый огурец (Детектив)

– Детективом решил заделаться?! – с неожиданной злостью выкрикнула Любаша и решительно загородила своим хрупким телом выход с кухни. Григорий Лещинский свою жену никогда не боялся, но сейчас нехотя снова уселся на табурет. Ему захотелось объяснить мотивы своего предполагаемого поступка. Но сразу нужных слов не находилось.

– Видишь ли, мне этот несчастный случай кажется очень странным...

– Да у тебя совсем мозги перестали соображать от переизбытка алкоголя в крови! – с ядовитым сарказмом прервала его супруга. – Ему кажется!!! Крестись, если кажется! И не лезь не в свое дело! Без тебя милиция разберется!

– Как же! Разберется! – возмущенно фыркнул Григорий. – Да они даже никого и не опросили из окружающих! Для отмазки глаз порасспрашивали нескольких забулдыг да и укатили на день рождения своего коллеги. Я сам слышал, как они переговаривались...

– Значит, для них все ясно и просто! Никаких сомнений.

– Зато у меня сомнений хоть отбавляй! Да и другом мне Федько был...

– Другом?! – Любаша демонстративно рассмеялась. – Первым треплом и обманщиком он был!

– Про покойника плохого не стоит говорить! – повысил голос Григорий. – Он хоть и преувеличивал много, но в душе был человеком добрым, легкоранимым. Старался всегда быть спокойным, солидным, уравновешенным.

– Ага! Солидным в особенности! Поэтому и рассказывал, что его мать полковник в отставке, а отец секретный физик. Впоследствии оказалось: мать – уборщица в солдатской столовой; отец – ночной сторож стеклотары.

Григорий Лещинский грустно улыбнулся на возмущенные воспоминания жены, выдвинул из-под стола вторую табуретку и сделал приглашающий жест рукой.

– Рыбка! Садись! И не заводись так! Я ведь лучше тебя знаю тяжелую жизнь Федора. Очень уж хотелось ему быть как все благополучные люди. Оттого и фантазировал. Когда его первая жена бросила и с ребенком сбежала, он чуть на себя руки не наложил. Переживал слишком. А уж когда и вторая с ним то же самое отчебучила, вот тогда-то он и сломался. И начал «понтоваться»: «Жен я по заграницам отправил и только деньги им на жизнь и учение детей отправляю». Он даже мне ни разу не пожаловался на этих шлюшек. Может, надеялся на возвращение хоть одной из них?

– Все равно, – упрямо продолжала Любаша, – из-за этого не стоило так завираться!

– Может, и не стоило, – охотно согласился муженек, обнимая ее за талию. – Но ведь каждый на свое горе реагирует по-разному. Кто в запой бросается, кто с ума сходит, а кто лютует, как зверье неразумное.

– А ты бы как поступил? – она кокетливо отклонилась в сторону. – Если бы я с детьми к другому мужчине ушла?

Оба прекрасно понимали, что это не что иное, как невинная шутка, но глаза Григория недобро блеснули. Скорей всего даже помимо его воли. Зато голос был игривым:

– Дети, конечно, со мной бы остались. А вот тебя бы просто проводил до вокзала.

– А потом? – в ее голосе слышалось разочарование.

– А потом бы отправил в последний путь, – Григорий делано тяжело вздохнул, – как... Анну Каренину. Можно, конечно, и водным путем, как Муму, но речек в округе глубоких нет. А при поездке к морю расходы на развод слишком возрастут.

– Бес-с-ты-жий! – Любаша с укором покачала головой. – Такова твоя благодарность за мое согласие иметь от тебя детей? Ладно, ладно, запомним!

– Кстати, о детях! – Григорий потерся щекой о плечико жены и продолжил разговор: – Именно из-за них Федор так старался что-то заработать. И хочу тебе напомнить: много не пил. Даже ставши хозяином бара. Хотя никогда не отказывался посидеть за хорошим столом. И попить водочки. Но всегда держался в пределах нормы. А уж падать, да еще и так неудачно, не в его стиле!

– Иногда и трезвые люди делают неверный шаг и ломают себе шею! – резонно заметила на это жена.

– В том-то и дело, что в крови Федора было просто невероятное количество алкоголя!

– Тогда тем более все понятно! – утвердилась Любаша. – Но откуда ты об этом знаешь?

– Сегодня с самого утра я сгонял в милицию и просто поинтересовался ходом расследования. А меня так ненавязчиво вытолкали, на ходу сообщая, что следствие закрыто в связи с явным несчастным случаем. А на мои возмущенные вопросы отвечали весьма внятно: «Не твое дело!» Я уже и возвращаться домой решил, как вдруг на лестнице столкнулся не с кем иным, как с Тарасовым Санькой.

– С кем? – не поверила супруга, явно оживляясь. – С Санькой? Твоим одноклассником! Мы же его лет десять не видели!

– Точно! И он там работает следователем! И уже майор!

– Постой! Но ведь он на пожарника учился! Или я ошибаюсь?

– У тебя просто завидная память. Санька стал офицером-пожарником. Вот только с работой не получилось. Потом другие курсы, и он стал участковым на противоположной от нас окраине города. Затем академия, несколько званий, отличия по работе, и сейчас он старший следователь отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями. Когда я ему объяснил свои сомнения, он на ходу отдал распоряжения, провел в свой кабинет, и мы даже выпили по рюмочке за встречу. Он ведь тоже нас потерял из виду, когда мы сюда переехали девять лет назад. Потом принесли дело, он его просмотрел и только руками развел: не в моей, говорит, это юрисдикции. Да и дело уже закрыто. Вот тогда-то я и узнал, что в желудке и в крови у Федора нашли много алкоголя.

– И как много?

– Если перевести на понятный тебе язык, то он как бы выпил бутылки три водки! Не меньше!

– Он что, мог столько осилить?! – вытаращила глаза Любаша.

– Вот и я тебе твержу о том! На второй бутылке он бы уже рвал. Не мог он столько выпить. И Тарасову я так же объяснил. Он меня понял, но тут же показал на огромную кипу других папок: все они были в работе, и добавлять к ним еще одно дело только с моих слов Санька не имеет ни сил, ни возможности. И так по воскресеньям работать приходится. Хотя и согласился со мной, что Федю явно могли напоить и инсценировать несчастный случай. Зато, если бы у него на руках были новые факты или более конкретные подозреваемые, то он сразу пошлет дело на доследование и назначит более настырного следователя.

– Значит, ты сам решил поискать и новые улики, и новых подозреваемых? – Любаша сбросила его руку и встала. – Собутыльник-пионер – первый сыщикам пример!

– Да! Не раз я сидел с покойным за одним столом! – согласился Григорий, медленно, но решительно вставая. – Поэтому хочу сделать для его памяти небольшую услугу.

Любашины глаза отчаянно заметались по фигуре мужа, губы задрожали, а по щекам покатались неожиданные слезы.

– А если с тобой что-то случится?!

Григорий крепко обнял супругу и, поглаживая по спине, стал успокаивать:

– Так ведь я никуда и лезть не собираюсь! Просто потолкаюсь по соседним барам, послушаю, может, сам чего невзначай спрошу. Авось кто-то что-то подозрительное и видел. Ведь среди бела дня все было. Хоть и бар был закрыт на перерыв слишком долго, но люди там шастали. Подходили к двери, заглядывали внутрь. Хоть бы одного конкретного свидетеля найти, а там уже Тарасов его раскрутит.

– Кругом столько разного отребья бродит, хулиганья. Как стемнеет, на улицу никто не показывается! А тебе дома не сидится.

– Обещаю не искать неприятностей! – пообещал Григорий, отстраняя от себя Любашу и заглядывая ей в глаза.

– А если неприятности тебя сами искать начнут? – не успокаивалась жена.

– Тогда применим свои накаченные мышцы и врожденную ловкость!

– Ты ведь уже год не качаешься! – возразила жена. – Со штанги только пыль протираю!

– Зато на работе мне еще больше приходится тяжести ворочать! – Григорий улыбнулся. – И весь день бегом, а порой даже с ускорениями. Больше устаю, чем от штанги.

– Я понимаю, что тебе там не мед, – грустно улыбнулась Любаша. – Но зато теперь не экономим каждый рубль. Даже дети поправились...

– Вот видишь! Я тебе всегда говорил: со мной не пропадешь! И себя в обиду не дам. Так что не переживай, тем более что долго ходить не собираюсь. До одиннадцати часов точно буду дома. Коль не выплусь, сама знаешь, как я встаю по утрам.

Любаша тяжело вздохнула и, получив поцелуй в щеку на прощанье, с тревогой проследовала, как за мужем закрывается входная дверь.

Несколько лет назад Григорий Лещинский в злые места даже не заглядывал. И работа была интересней, и спорту много времени уделял. Но за последние два года много изменилось. Вначале попал под непонятное сокращение штатов. А потом целый год просидел почти без заработков. Пришлось говорить чуть ли не с каждым встречным и выпытывать о наличии свободных рабочих мест у любого, с кем сводила судьба. Незаметно даже для самого себя Григорий то прикладывался к пивной кружке в баре, то рассуждал у пивного ларька, а то и захакивал в небольшие кафешки. Если, конечно, были желающие пригласить. Пить он не любил, хотя мог держаться за столом до последнего. Но постепенно наводящая тоску безработица делала свое черное дело, и стало вполне привычным каждый вечер потолкаться в местах постсоветского «бухгрампита».

А уж когда год назад удалось устроиться на работу, то ежевечернее причастие стало законом. Ибо таковы были правила: вся бригада грузчиков после работы заходила «на пиво» в обязательном порядке и в полном составе. Выделяться из коллектива считалось непристойным, и бригадир безжалостно отсеивал непьющих. Сам бригадир в те времена был хоть и крепким дядькой, но с алкоголем вместо крови. А так как набором в бригаду грузчиков ведал он, то Григорию пришлось ради приличного заработка каждый вечер просиживать в шумной и веселой компании.

Но месяц шел за месяцем, и Лещинский прочно обосновался на мебельной базе. Мало того, быстро вырос по служебной лестнице благодаря своей удивительной силе и завидной выносливости. Завоевав этим авторитет не только среди товарищей, но и у нового директора базы. А месяц назад вконец спившегося бригадира вообще выгнали с работы за многочисленные прегрешения. И директор без сомнений назначил Григория на освободившуюся должность.

И тот сразу попытался упорядочить послетрудовой отдых. Но не так-то легко искоренить устоявшиеся традиции. Грузчики привыкли к повседневным пьянкам, которые устраивались на получаемые бригадиром чаевые от клиентов. Иногда этих чаевых было так много, что Гри-

горию приходилось прямо-таки разносить своих товарищей по их квартирам. Одно благо, что жили все близко, в одном районе. Бессмысленные гуляния продолжались.

После трех дней бригадирства Григорий стал устраивать «выходные». И чаевые в такой день просто поровну делил между всеми. Это сразу принесло свои результаты. Некоторым это понравилось, и они впервые за долгое время явились домой трезвые и с подарками под мышкой или в руках.

Последняя неделя вообще была объявлена «сухой», и исключение сделано было только для вчерашнего дня, субботы. Но и он не удался из-за безвременной кончины хозяина бара, в котором бригада стала собираться еще полгода назад. И хозяином был именно Федор, старый дружка Григория еще по первому месту работы. Именно Григорий и уболтал всех грузчиков пропивать чаевые в баре «Звонок». Убеждая, что водку здесь подадут хорошую, а пиво неразбавленным. Так всегда и бывало. Кроме последнего раза. Тогда вообще ушли несолоно хлебавши.

Бригада как раз подошла к бару, когда оттуда выскочила с расширенными глазами официантка Мальва и стала орать дурным голосом:

– Федор! Федор убился!

Пока приехала милиция, Григорий быстро раздал чаевые товарищам и распустил по домам. Мол, какая может быть пьянка в такой грустный день? А сам остался и по мере возможностей проследил за действиями оперативной группы. Да и сам попытался воссоздать картину происшедшего события. А выглядело оно так:

«Звонок» закрывался в 15:00 на обеденный перерыв и возобновлял работу в 18:00. Официантка Мальва, разбитная бабенка лет сорока, сделав все свои дела по уборке помещения, вышла из бара в полчетвертого. Договорившись с Федором, что тот сам откроет бар после перерыва. А ей надо было забрать из химчистки некоторые вещи. Каково же было ее удивление, когда она заявила чуть ли не в семь вечера, а бар так и был закрыт. Сквозь стекло дверей, запертых изнутри, в зал заглядывало несколько завсегдатаев, недоумевая по поводу затянувшегося «обеда». Официантка присоединилась к ним, но барабанить в дверь стала совсем без стеснения. Чуть ли стекло не разбила. Когда и это не возымело результата, обошла с другой стороны и своими ключами открыла дверь черного хода. Не забивая себе голову отсутствием хозяина, Мальва тут же впустила посетителей и принялась их обслуживать. И только минут через пять обратила внимание на полностью открытый люк в заднем помещении. Он вел в подвал с соленьями и запасами вина. И только собравшись закрыть люк, увидела внизу тело Федора с неестественно вывернутыми руками и головой. Даже ей, ни разу не видевшей подобного, сразу стало ясно, что Федор мертв. Это ее весьма выбило из состояния психического равновесия, и с криками она выбежала из бара. Наткнувшись на пришедшую повеселиться бригаду Григория. Вот и все. Как высказались специалисты: несчастный случай.

И как потом добавили патологоанатомы: несчастный случай вследствие чрезмерного употребления алкоголя.

И вот в этот самый нелепый случай никак не хотел поверить Григорий Лещинский. А уж когда узнал про дозу алкоголя, тем более.

Еще больше его разозлили действия милиции. Глянули, увидели и все... Поняли! Поняли?! Да они даже Мальву не расспросили как следует! Лишь когда пришла да как ушла. Наделали кучу снимков, сдали тело санитарам и опечатали помещение бара. Поставив на охранную сигнализацию. И поспешили на день рождения коллеги.

Первым делом Григорий навестил официантку. Та совершенно не удивилась его визиту, тем более что знала о приятельских отношениях Лещинского с покойным. Хоть и предупредила сразу:

– Ты уж извини, времени у меня в обрез! Собраться мне надо как можно скорей – билеты на поезд у меня в кармане.

– От милиции, что ли, бежишь? – пошутил Григорий. – Или за себя испугалась?

– Тю! Та шо ж мне от милиции бегать? А ж не зэчка какая! – засмеялась Мальва. – Да и меня никто не обижает! Просто к племяннице еду, двойня у нее родилась. Крестить будем завтра. Радость-то какая... – она поперхнулась, наткнувшись на осудительный взгляд гостя. – Ладно тебе! Я Федора очень уважала и любила, но что ж теперь, вообще не жить?! Раз уж такое случилось, поеду. А то он меня отпускать не хотел. И как я его ни уговаривала! Ни в какую! Уволить даже грозился! Вот! И наорал на меня!

– А когда это вы поссорились? – как можно мягче спросил Лещинский.

– Да с самого утра, в субботу. Ох, и разозлил же он меня! – призналась Мальва и вдруг замерла. Видимо, прочувствовала подноготную вопроса. И затараторила: – Да ты что, Григорий?! Побойся бога! Уж не думаешь ли ты, что я его в подвал столкнула по злобе? И не стыдно?! До такого додумался?! Да у меня и енто, как его, алиби есть! В милиции про это не спросили, но я сразу вспомнила: когда уходила, Федор за мной двери закрыл. И это многие видели. Я издали оглянулась, а он так в дверях и стоял.

– Может, ждал кого?

– Может, и ждал, мне-то что? У меня своих дел по горло!

– Алиби – это хорошо! – грустно закивал головой Григорий. – А вот кто конкретно стоял рядом с баром?

– Ой! Да мало ли там синюшных околачивается! Я, конечно, не тебя в виду имела. Ты у нас человек солидный, уважаемый. Другим не ровня. А из тех, кто там находился, я только мужика из соседнего дома узнала. Такой маленький и лысый, ну, ты знаешь его? На колобка похож! Вспомнил? И под деревом на другой стороне Спец сидел. Да пустую бутылку из-под водки нянчил. Как всегда в угаре. А может, и с похмелья.

– А скажи, Мальва, ты в курсе закулисной преемственности? Бар теперь кому принадлежит? – Лещинский развел руками. – Федор мне так ни разу и не сказал, на кого он оформлен.

– Да здесь и секрета нет! Все на них троих оформлено было: на Федора и его родителей. Я их там часто видела, помогали очень много по хозяйству. Отец особенно. И добрые старики, может, даже слишком. Мне мать сегодня звонила и попросила и дальше у них работать. Хоть и плакала бедняжка...

– То есть сейчас бар принадлежит только им?

– И раньше принадлежал! Они же свои денежки все накопленные в него вбухали! До последней копеечки! Только в последние месяцы стали жить намного лучше, по-людски. А то во всем себе отказывали.

– Да... – разочарованно протянул Григорий. – А мне Федько все время рассказывал, что это он так умеет дела вести...

– Дела-то, может, и умеет... ой господи! – Мальва поправилась: – Может, и умел, да только бар он не за свои деньги выкупал.

– А какие у него отношения с местными бандитами были? – неожиданно спросил Григорий.

– Даже и не знаю! – официантка в удивлении приподняла брови. – Никогда никто с ним не ругался, уважительно так заходили, расплачивались нормально за выпивку. Ну, пошепчутся там иногда, посмеются. И все!

– И кто чаще всех навещался?

– Да кто ж еще может тут шастать! Сундук ходил да прихлебатель его шестерочный Мята. И рожи до чего противные, а все из себя человека корчить пытались! Тьфу ты, господи! И чего это Федор с ними общался, ума не приложу!

Следующий вопрос последовал по поводу симпатий покойного среди женской половины, но тут уже Мальва возмутилась:

– Григорий! Ты совесть имеешь?! Мне собираться надо! А ты про несуществующее спрашиваешь. Какая ж дура с ним захочет больше одного вечера провести? Он как наврет с три короба, так на следующий день на него уже и смотреть не хотят. То мама у него генерал! То папа – учитель Сахарова! Да если бы еще хоть врать умел! Позорище! – И совсем непоследовательно добавила: – Царство ему Небесное!

Следующим, с кем Григорию удалось столкнуться, был Спец. Длинный, но сильно ссутулившийся забулдыга с очень странной кличкой стоял за столиком одного из пивных баров и вяло улыбался каждому проходящему мимо. В тщетной попытке получить дармовую выпивку. Рукой он сжимал пустой бокал и время от времени опускал туда нос, словно вынюхивая что-то приятное. И даже выглядел относительно трезво. Когда он увидел Григория с двумя кружками пива, якобы оглядывающегося в поисках места, то чуть слюной не подавился от вожделения.

– Сюда... кх-м! Сюда, кх-м, кх-м! – он смешно махал двумя руками, забыв отставить пустой бокал. – Григорий! Ты же не куришь, а здесь свежесть от окна идет!

А когда Спец увидел, что одну из кружек предложили ему, то чуть не прослезился. И мелкими глотками осушил сразу пол-емкости. Затем отстранил от себя и с сожалением устоялся на оставшееся пиво.

– Да нет, пиво хорошее! – прикинулся простаком Григорий. – Явно не разбавленное!

– А жаль, – медленно протянул Спец. – Было бы чем, я бы обязательно разбавил... Хоть водой...

– Ха! А водой-то зачем?

– Чтобы больше было... – и столько грусти было в голосе забулдыги, что Григорий ему посочувствовал:

– Бывает... Но ведь на работу вначале надо пойти. Ты почему ничего не ищешь? Сколько помню, только в барах и сидишь.

– Работать? – неожиданно Спец весь напрягся, и глаза его буквально засверкали. – На кого работать?! На этих ублюдков?! А они же потом меня и в грязь втоптывать будут?! Да лучше сдохнуть! Под забором! Как собака!

– Э-э! Да тебя, я вижу, кто-то неплохо на весь мир озлобил. – Лещинский помотал головой. – Так нельзя! Совсем в себе человеческое потеряешь...

– А я уже потерял! – неожиданно согласился Спец. И чуть ли не одним глотком допил пиво. Деликатно отвернувшись в сторону, отрыгнул. – Одна только и осталась радость – выпивка. Попробовал бы наркотики, так кто мне даст? Чтоб от них подохнуть, надо быть побогаче.

– Не все, кто побогаче, хотят подохнуть! – в последнее слово Григорий постарался вложить интонации забулдыги. – Почти все пожить мечтают. Правда, не всем удастся. Вон, наш знакомый, бармен «Звонка», ушел из этой жизни. И наркотиков не понадобилось. А как все случилось, сейчас милиция разбирается. Меня спрашивали, может, видел я кого во время перерыва обеденного. Да ведь я на работе был. А вот ты всегда ж там крутишься? Может, кого и заметил?

При последних вопросах Спец вздрогнул, но когда поднял голову, в глазах читалось полное равнодушие и презрение ко всем проблемам человеческим. Он поднял пустую кружку на уровень своего носа и нагло заявил:

– Вроде кого-то и видел! Но память... Совсем усохла с похмелья.

Хоть Григорий и заинтересовался, но вида не подал. Да и не любил, когда на него давили или шантажировали. Поэтому он равнодушно пожал плечами и стал со вкусом глотать пиво из своей кружки. Затем вообще перевел взгляд в зал и стал выискивать знакомые лица. Реакция Спеца последовала незамедлительно. Он дрожащей рукой поставил пустую посуду на стол и заискивающе проговорил:

– Конечно, я там был! И видел, как сразу после закрытия в «Звонок» вошли Сундук и Мята.

– А как они вошли? – удивился Лещинский.

– Так ведь Федор на дверях стоял. Видимо, их и дожидался. Я тебе правду говорю, это не только я видел! И вообще мне это тоже странным показалось... – забулдыга склонился над столом и перешел на шепот: – Чего они в тот бар в обеденный перерыв пошли? Чего им там надо было? Непонятно...

Сдерживая внутреннее напряжение, Григорий крикнул стоявшему у стойки пареньку из его бригады:

– Ванюша! Возьми и мне два пива! – затем неспешно повернулся к Спецу и многозначительно спросил: – Не боишься этих мудаков?

– Может, и боюсь! – почему-то весело согласился тот. – Может, потом отрицать все буду. Докажи, что я такое говорил! А Сундук и Мята там были! И долго! Я даже не дождался их выхода. Побрел под мост... Думал, там друзей встречу...

– Если милиция их возьмет, то все проверит. Там ведь умеют...

– Запросто! Так этим гадам и надо! – с остервенением чуть ли не выкрикнул Спец. Даже обратив внимание на себя доброй половины зала. Он еще что-то хотел добавить, опять глаза его блеснули бешенством, но в этот момент Ванюша поставил на стол новую партию пива. Григорий отдал деньги, кивнул головой замершему собутыльнику, и тот с жадностью прильнул к кружке. Да так и выпил не отрываясь. А когда получил еще один одобрителный кивок на вторую кружку, то и ту опрокинул одним махом. И сразу «поплыл». Глаза моментально заволокла пелена тумана, голос обессиленно охрип, а губы безвольно приоткрылись. Но руки цепко держались за стол, и падать он явно не собирался. Не прислушиваясь к глухому бормотанию отключившегося алкоголика, Григорий отправился на поиски Сундука и Мяты.

Местную шушеру он не боялся. Скорее даже наоборот: те разбегались у него с дороги, словно мыши перед котом. Несколько столкновений и потасовок с его участием снискали ему репутацию очень злобного, умелого и кровавого бойца. Хотя в интересах обеих сторон это не подавалось широкой огласке. Отморозки не хотели ронять свой мнимый авторитет, а Григорий не хотел расстраивать жену по пустякам. Так что желающих оспорить его независимость в районе уже давно не находилось.

Ему удалось найти Сундука, да еще в придачу с Мятой, в одном из более пристойных кафе. По подсказке одного всеведущего человека. И уложиться во вполне обещанный жене срок. Пришлось, правда, немного повозиться для того, чтобы встреча протекала в более дружественной и спокойной обстановке. А то, лишь только они вышли из кафе на затемненную аллею, оба, и Сундук, и Мята, набросились на него одновременно. К такому повороту событий Григорий был готов заблаговременно.

Мощный удар ботинком под ребра более приземистого и мелкого Мяты отправил того в глубокий и продолжительный нокаут. А от пудовых кулаков двухметрового Сундука и вообще не пришлось сильно уклоняться. Григорий резко присел, а когда двухметровая туша навалилась на него всей массой, резко встал. Затем двумя руками, словно штангу вверх, толкнул Сундука вверх и чуть в сторону. Падение хрипло крикнувшего тела пришлось на перила деревянной скамейки. Толстые деревянные брусья выдержали, а вот ребра нападавшего великана – нет. В дальнейшем разговоре Сундук вел себя очень тихо, дышал через раз, на полвдоха, а правой рукой постоянно вытирал обильно выступавший пот. Мята участия в разговоре не принимал, усиленно пытаясь восстановить надолго утраченное дыхание. Хрипел и размазывал по щекам обильно текущие слезы пополам с соплями.

– Прелюдия закончена, перейдем к делу! – Лещинский уселся на перила лавочки и многозначительно хрустнул пальцами ладони, сжав ее в другом кулаке. – Меня интересует буквально несколько вопросов. Вы на них отвечаете, и я решаю, что делать с вами дальше.

– А если не ответим? – с запинками в дыхании спросил Сундук.

– Тогда еще немного поработаете мне тренажерами, а потом я сдам вас милиции.

– А если мы не пойдем?

– Еще как пойдете! Даже устрою так, что этот, – Григорий кивнул в сторону хрипящего Мяты, – тебя на своем горбу потащит.

– Ты же мне, – задохнулся здоровяк, – ребра сломал!

– Повезло тебе! За неожиданное нападение я, как правило, руки и ноги ломаю. Помните Феликса? Тоже из ваших. Бывший. Сейчас на костылях прыгает. Ага! Уже второй год. Так это он мне под горячую руку попался! И еще радуется, что выжил.

– Так это ты его?! – скривился от изумления и боли Сундук. – А он говорил, что менты на зоне поломали...

– Он пусть говорит, что хочет, для вас же важно говорить то, что хочу знать я. Понятно?

– Понятно! – прошипел Сундук. – Но учти, мы братков не продаем!

– В гробу я ваших братков видал! И сам знаешь, в чем! Но я хочу знать, что вы делали вчера после половины четвертого?!

Здоровенный верзила даже дышать перестал от удивления. Затем растерянно посмотрел в сторону своего поделщика. Тот стоял на коленях, упираясь руками в землю, но силы изобразить на своем лице недоумение все же нашел. Видимо, они не могли понять или вспомнить. Пришлось напомнить более грозно:

– И учтите: вас видели! Соврете мне хоть на одну минуту, ботинок прогуляется опять! На этот раз по вашим личикам! Потом тоже врать сможете: про злых ментов на зонах!

– Вчера... мы это, в полчетвертого... – видно было, каких трудов стоило Сундуку сложить связанные предложения. – К этому Федору пошли. Там пробыли полчаса... Затем к другу моему...

– Стоп! Что вы делали у Федора?!

– Как что? Взяли деньги, выпили по рюмке и к другу...

– Забудь про друга! – Григорий явно стал терять терпение. – Почему вы деньги брали у Федора?!

– Да что ты так кричишь? Думаешь, мы у него вымогали? – Сундук попытался изобразить улыбку. – У нас с ним вполне честный бизнес. Конечно, в накладных мы всего не указываем. Ну, так ведь сам понимаешь – с такими налогами никто не хочет на папу работать! По одной бочке оформили, а остальные подвозим по мере опустошения.

– А с чем бочки? – уже не так строго спросил Григорий.

– С огурцами солеными и помидорами квашеными. Мне из моей деревни отец на тракторе привозит. Да ты сам наверняка не раз пробовал...

А во рту у Григория моментально скопилась слюна от приятных воспоминаний. Действительно: огурчики у Федора были просто восхитительные! Бесподобные и несравненные! Правда, и тут его покойный приятель навешал лапшу. Мол, поставки идут с экспериментального завода и по большому благу. Но не жадничал: когда у кого-то не было чем закусить, давал огурец бесплатно. Приговаривая: «Помни мою доброту! И мое умение повара шестого разряда!» Хотя у него даже третьего не было. А может, и второго. Григорий никогда не пытался посмотреть диплом хозяина «Звонка».

– И долго вы там были? – вновь продолжил он допрос.

– Сказал ведь: полчаса! По рюмашке – и на выход!

– Федор за вами дверь закрыл?

– А как же! Нече народ баловать!

– Может кто-нибудь это подтвердить?

– Странно, – Сундук непонимающе хлопал глазами, – зачем оно нам?

– Я спрашиваю, а ты отвечаешь! – Григорий подскочил к отшатнувшемуся громиле и отвел руку для удара. – Видать, много ребер у тебя лишних!

– Да я что? Только не помню там никого! – поспешил с ответом Сундук. Именно в этот момент его дружок что-то прошипел неразборчивое. Но гигант услышал, понял и оживился. – Точно! Там ведь Спец в кустах сидел. Мята у нас самый глазастый, даже удивился по первости, чего, мол, прячется? От нас, что ли? Видимо, боялся очень. Зашли мы за угол, а Мята и вернулся да выглянул. А этот Спец чуть ли не бегом к «Звонку» побежал. Так что если свидетель нужен, то у него спроси. Он явно нас видел. И знал наверняка, что я к другу на направляю...

– Слышь! – прервал его со злостью Григорий. – Забудь, куда ты пошел потом! Меня интересует только «Звонок»! И знаешь почему?

Сундук отшатнулся еще раз от такого напора. Охнул, даже постонал немного. Потом, видимо, что-то надумал, потому что сник и спросил скорбным голосом:

– Наверное, ты хочешь подгрести под себя бизнес с огурцами?

Лещинский не знал: злиться ему или смеяться. Такого тупоумия он еще не встречал в своей жизни. У него даже подозрения не возникло, что человек может так искусно его разыгрывать. И так естественно правдиво. Вряд ли! Такие типы в театрах не работали. Тогда что же? Они даже не знают о смерти Федора?! Кто бы мог подумать?! Пусть тогда узнают!

– Как раз в то время Федор погиб! Скоро милиция выяснит причину его смерти.

С минуту Сундук молчал. И все это короткое время на его лице сменялась целая гамма чувств. Неверие! Сомнение! Страх! Озарение! Понимание! Растерянность! Ужас! И злость! Если хоть один актер смог бы так сыграть, все остальные его коллеги в тот же миг умерли бы от зависти. Однозначно! Зато последовавшая первая фраза заставила удивиться Лещинского еще больше:

– Вот козел! Он же нам сто пятьдесят единиц за соления остался должен!

И этому восклицанию вторил не менее злобный рык Мята.

Григорий только махнул рукой и пошел домой. Но отойдя пару метров, неожиданно даже для самого себя спросил:

– А почему у этого забулдыги такая кличка: Спец?

– Когда-то он ценным кадром был! – попытался засмеяться Сундук не к месту. – Служил даже в спецназе. Потому и Спец.

Всю ночь Григорий спал плохо. Проведенное личное расследование поставило еще больше вопросов, чем он получил ответов. Значит, все-таки были еще посетители в обеденный перерыв. Кто? Когда? Откуда?

Задавая себе эти вопросы, удалось заснуть лишь под утро.

Зато после подъема в мозгу сложилась мало-мальски приемлемая картина. Оставалось только выяснить маленькую деталь. И он проделал все оперативно и по-деловому. Звякнул шефу и, выяснив, что заказов пока нет, отпросился на пару утренних часов. Затем смотался к Тарасову и внимательно рассмотрел снимки, сделанные оперативной группой на месте происшествия. Возле верхней, открытой крышки подвала отчетливо была видна уроненная кем-то мисочка. А рядом рассыпавшиеся огурцы.

Пока ехали в машине, Григорий подробно описал свои размышления и логические выкладки. И Санька Тарасов со всеми согласился. Осталось только выяснить один вопрос: почему убийца это сделал?

Спеца нашли под его любимым местом ночевки: мостом. Вначале тот ничего не соображал, и Григорию пришлось просто-напросто плеснуть ему в лицо воды из припасенной бутылки. Когда забулдыга раскрыл глаза, то из его уст вырвалась только одно слово:

– Пить!

– Дам! Сейчас! – тут же согласился Григорий. – Но сначала скажи: за что ты убил Федора?

Они не ожидали услышать признание, но оно прозвучало. Кошунственное и страшное! Дикое и невероятное!

– Надоело мне все! Этот Федор врал больше всех, а жил неплохо! Думаете, трудно было ему свернуть голову? Раз плюнуть! У меня и на вас бы сил хватило, да возиться лень. А Федор! У него всегда огурцы были! А давал он мне не всегда. Я и тогда есть хотел, просил, а он говорит: «Думаешь, легко мне их солить и квасить? А потом раздаривать всякой бухоте?» И только когда я сказал, что он лучший повар на планете, он соизволил пойти за огурцами. А я в этот момент вспомнил, что соления поставляют ему Сундук и Мята. Я ведь все знаю! И вспомнил об этом, когда Федор из подвала вылез. А когда он нагло спросил: «Что надо сказать?» и протянул один огурчик, тут я и не выдержал. Залил ему в глотку несколько бутылок водки, не обращая внимания на его нежелание сотрудничать в этом радостном вопросе. Затем... Свернул ему шею да и толкнул вниз...

Выдумки... ложь... вранье... До чего оно людей доводит.

Фантасмагория предназначения

Гермес спешил. Сколько он себя помнил на этой работе, приходилось спешить всегда. Но сейчас он спешил особенно.

Что заставляло его так торопиться? Из собственного опыта он знал только одно: необычайная важность доставляемого им сообщения. Вот только каким оно окажется на этот раз? Радостным или печальным? Вернее не так: **ОЧЕНЬ** радостным или **ОЧЕНЬ** печальным? Другой причины для такой спешки он не видел. Доставляемая депеша ну никак не могла оказаться из разряда рядовых или средней значимости.

Короткое затемнение, привычная концентрация тренированного тела, и в следующее мгновение Гермес перенесся в очередной мир. Мягкий пружинистый прыжок с метровой высоты и почти в безостановочном движении ориентировка на местности. Так, сухая степь с большими холмами. Дорога. Значит, по ней. Совершенно без заминки повернул в нужную сторону и побежал. Жаль, что дорога покрыта крупными и неровными плитами колотого камня. Лайтару не используешь! Для старта на ней нужна ровная поверхность или свободное падение вниз не менее чем с двухкилометровой высоты. Лайтара... или более любовное название – Лайта. Рука привычно погладила небольшую доску с колесиками, удобно притороченную к левому боку. Сколько пространств ты помогла преодолеть! Но все равно добрую треть пришлось бежать на своих ногах.

Неожиданно Гермес услышал сзади себя шумное дыхание и громкий топот. Не может быть! Кто-то его догоняет! Кто-то бежит быстрее, чем он! Не оборачиваясь, прибавил скорости. Бешено вздымающиеся легкие стало покалывать. Но усилившееся дыхание приближалось. Причем быстрее, чем топот. Прежде чем удалось понять суть происходящего, рядом, в поле зрения показалась **ЖЕНЩИНА**. В белом платье, расширяющемся возле колен, она бежала, словно нереальный мираж. Нет, не бежала, а летела, лишь чуть касаясь босыми ногами грубых и неотесанных каменных плит. И какая она была красивая! Вот только почему она так тяжело дышит? Хотя, конечно, при подобном движении кажущаяся легкость – лишь обман зрения.

Гермес не без гордости заметил, что женщина чуть замедлила движение и заинтересованным взглядом осмотрела его фигуру. Еще бы! На такой работе просто вынужден всегда оставаться стройным и подтянутым. Уголки губ незнакомки дрогнули от поощрительной улыбки, мелькнуло белое платье, и в расширенные ноздри ударил легкий, но дурманящий запах разгоряченного женского тела. От проснувшихся эмоций сознание странно напряглось, а ноги стали заплетаться. Пришлось снизить скорость.

Тут же топот раздался прямо за спиной. А еще через мгновение Гермеса обогнал молодой парень в пятнистом костюме. **СОЛДАТ!** Прочные, не лишённые некоторой элегантности ботинки и создавали громкий шум. Бежал солдат легко, словно на тренировке. Без оружия. Без снаряжения. Куда? Увы, на ходу не поговоришь. Может, он гонится за женщиной? Вряд ли. По увеличивающемуся расстоянию между ними можно скорее предположить, что красавица недавно обогнала и солдата.

Дорога вильнула несколько раз между холмами и постепенно стала выравниваться, а потом и вообще превратилась в сплошную ленту асфальта. Дождавшись, когда подошв его сандалий коснется ровная поверхность, Гермес позволил себе обрадоваться. Лайта! Теперь твоя очередь! Отточенным движением отстегнул доску из ремней. Поставил на асфальт. Встал на Лайтару правой коленкой. Левую стопу пристроил спереди. Пяткой к коленке. Приподнял руки чуть вперед и развернул ладонями вверх. Выпрямил спину и приподнял подбородок. Очень красивая поза. Со стороны! А вот в исполнении – тяжелейшая процедура. Особенно после интенсивного бега. Но другим позам Лайта не поддается. Не слушается. Шевеление пальцами. Доска плавно тронулась с места и стала набирать скорость. Теперь его уже никто не перегонит!

Гермес редко вспоминал свое настоящее имя. Да и зачем? Во всех мирах таких, как он, звали только одним именем. И только в его родном мире подобную работу называли иначе: почтой. А таких Выбранных, как он, – ПОЧТАЛЬОНАМИ. Когда родители узнали о его Предназначении, то сказать, что они были потрясены и угнетены этим известием, – значит, ничего не сказать. Мать – знаменитая поэтесса – просто беззвучно заплакала. И замкнулась в себе. А отец – гениальный конструктор и создатель – неожиданно замолчал. Очень надолго. Лишь по прошествии нескольких дней он сказал первое предложение. Послал работать. И все! Только два слова.

Скальный нарост остался справа, а впереди показалась фигура в пятнистом костюме. Хоть и бегущая с прежней скоростью, но приближающаяся. Чуть позже слуха достиг более мягкий на асфальте топот. Гермес обгонял солдата без малейшего злорадства. У каждого своя дорога. А поговорить можно и потом. Если встреча повторится. Да и скорость нарастала. И за очередным поворотом он увидел белое пятно.

Поравнявшись с женщиной, Гермес непроизвольно сбавил скорость. Хоть вся его профессиональная сущность восставала против этого. Все чувства вопили, требовали увеличить скорость. Но разум отыскал маленькую лазейку для поблажки. Ведь любоваться не запрещено? Даже во время работы? Не запрещено! А как можно не залюбоваться этой стремительно бегущей красотой! Да можно вообще замереть от восхищения и превратиться в каменную статую! Еще можно...

Женщина несколько раз повернула голову в сторону Гермеса. И стала сбиваться со своего легкого, воздушного шага. Может, она оступилась? Но почему взглянула с осуждением? Так и смутиться недолго. Может, ей мешает пристальное его внимание? Похоже, если судить по ставшему аритмичным дыханию. Из чувства такта никакой бегун не станет мешать или навязывать свою компанию другому. Полюбовался – и вперед!

Лайта опять начала плавное ускорение. Но сразу за новым поворотом дорога стремительно пошла вверх. На невероятно высокий курган. К тому же на середине подъема покрытие сменялось на огромные, положенные уступами плиты. Гермес редко рычал от раскаяния. Но сейчас это звериное действие выплеснулось из него, сметая все преграды в сознании. Момент утерян! Теперь для взлета не хватит скорости! Хотя... Неожиданно другая мысль принесла облегчение. Ведь можно набрать скорость и за курганом. А пока надо поддерживать азарт бега любой ценой. Даже ценой соперничества с женщиной и солдатом. Почему бы не ему первому достичь вершины кургана? Какой разрыв удалось создать? В данный момент неосторожный поворот головы назад мог нарушить шаткое равновесие. Не стоит даже оглядываться. Ведь шумное дыхание еще слышалось не так давно!

Лайтара стала стремительно сбрасывать скорость. Подъем слишком крут. Силы инерции хватило как раз до плит, уложенных скошенными вниз ступеньками. Пока пристегивал доску, успел оглянуться. Надо же! Женщина уже неслась у самого подножия! Ничего, его скорость в гору почти не уступала скорости бега по прямой. А если еще и постараться? Удалось! Гермес понесся гигантскими прыжками. Каждый раз, ступая уже на новую грань очередной плиты. Вот и вершина! Чуть подернутая туманным облаком. Самая верхняя плита, уложенная ровно. Вторая, уложена уж с уклоном. Начинается спуск... А где же третья плита?! Вместо нее несуразный конек крыши, покрытой красной черепицей. И за ней бездонная пропасть.

Невероятным усилием Гермес подогнул бегущие ноги и всем телом плюхнулся на последнюю плиту. Раскидывая руки в стороны. Пытаясь распластаться и затормозить всеми кусочками своего тела. Его несколько раз крутануло по шершавой плите, раздирая кожу до костей. И в последнем подскоке тело бросило на странную крышу. Краем черепицы ударив по груди. Выбивая из легких весь воздух. Окровавленные пальцы попытались остановить переваливающееся через преграду тело. Но только бессильно скользили по влажной от тумана обожженной

глине. Его ноги поднялись вверх в последнем кувырке. Все. Это смерть! Пронеслось в сознании...

Но на миг раньше в уши ворвалось шумное дыхание. Женщина взлетела на курган как на крыльях. Но это ее и убило. Она расширенными глазами уставилась на пропасть, летящую ей навстречу, инстинктивно поджимая ноги и краем глаза замечая критическое положение тела Гермеса. Она успела сделать только одно движение. Уже ударяясь голыми ступнями о край крыши, со всей силы ударила рукой по опрокидывающимся ногам доставщика депеш. Останавливая его падение. Но при этом ускоряя свое. Белое, вращающееся пятно с криком ужаса понеслось в пропасть. Женщина не хотела умирать...

Пропасть оказалась не бездонной. Всего лишь метров девятьсот. Внизу в зеленой сумятице деревьев располагались каменные постройки. Хорошо заметное издалика платье так и скрылось между ними. А через короткое время снизу донесли не то рев толпы, не то крики ужаса. Темнеющими от боли глазами Гермес пытался рассмотреть происходящее в пропасти. Уже и не надеясь восстановить покинувшее его навсегда дыхание.

Неправильно сросшиеся миры. Выворотка. Наросты времени и пространства. Калейдоскоп граней. Потерянные Углы. Несоразмерные Отражения. Такое место называли по-разному. Но почти всегда оно таило только одно – смерть. Конечно, чувства Гермеса, вернее, его врожденное предвидение опасности подсказывало чуть раньше единственно верный выход. Ускориться на Лайтаре и преодолеть по воздуху этот опасный участок. Но таким даром обладали немногие. И его коллеги очень часто гибли в таких ситуациях. Да и женщину это не спасло...

А солдат?! Гермес перекатился на бок и попробовал со стоном втянуть воздух в легкие. Кроме вспышки боли ничего не последовало. Тогда он принялся двигать брюшным прессом, пытаясь закачать нужный кислород хоть таким образом. Несущественно, но стало помогать. А топот уже явственно слышен. И когда раздался совсем рядом, в его сторону понеслось с мучениями выведенное слово-шепот. Стой!

Солдат есть солдат. Такому хватает и минимального предупреждения. Да и скорость его была меньшей, чем у женщины. А уж про сноровку и говорить не приходится. Словно на показательных учениях, он распластался намного лучше, чем Гермес. Вот только масса его тела продолжала толкать вперед. И если бы не подставленная рука посланника, солдат тоже бы рухнул в пропасть. Некоторое время он с хрипом пытался отдышаться. Лишь с благодарностью глядя в глаза спасителю.

Неожиданно Гермес почувствовал необъяснимую тревогу и почти машинально перекатился от края. Солдат на четвереньках последовал за ним. А еще через мгновение весь поднимающийся кусок крыши с черепицей рухнул вниз. Даже солдат содрогнулся от представленной картины их падения. Опять снизу послышались грохот и вопли. Не то яростные, не то печальные. В будущем ничто не могло задержать бегущих по этому участку дороги. Первая же наклоненная к спуску плита нависала над бездной. Со временем и весь курган обвалится в неудачно застрявший внизу кусок мира. Но когда это будет? И сколько жизней еще здесь оборвется? Вернее, внизу...

Похоже, солдат свою цель потерял. А может, у него ее и не было? Чуть осмотревшись по сторонам, он встал и замер. Но теперь он смотрел вопросительно лишь на Гермеса. Посланник тоже встал, морщась от боли и придерживая руками поломанные ребра. Регенерация организма уже работала на полную силу, но о беге в ближайшие часы нечего и думать. Интуиция без колебаний выбрала направление и повела влево, по вершине кургана. Туман сгустился, видимость упала до нескольких метров. Твердая земля сменилась песком. Затем отвердевшей от жары глиной. На ней особенно отчетливо слышался топот шагов идущего чуть сзади солдата. Это успокаивало. Вселяло уверенность.

Небольшой овражек. А за ним сплошной забор из красного кирпича. Или стена? Куда идти? Странно! Интуиция несмело указывает вправо. Значит, двигаться надо осторожно.

Стоп! Железная калитка, изъеденная столетней ржавчиной. Нам туда. Вот только ручки нет. И не открывается от толчка. Солдат выходит вперед и наносит резкий удар ногой возле отверстия для ключа. Еще один удар. Еще десять. Сто. Ржавчина опадает целыми пластами. Вмятина углубляется. Появилась щель. Есть! Замок хрустнул. Парень в пятнистом костюме осторожно заглядывает вовнутрь, чувство опасности у него тоже хорошо развито. Чуть отстраняется, дает взглянуть Гермесу. Взгляду открывается немыслимо гигантский, полуразрушенный завод. Миллиарды тонн перекрученного, готового рухнуть в любой момент железа. А среди них три робота, бродящие с чем-то наподобие бензопил и вырезающие каждый кустик, каждую травинку вместе с корнем. Вырезающие монотонно и целеустремленно.

Неожиданно сзади все тело стало покалывать ледяными иголками. Гермес оглянулся и с содроганием увидел буквально в двух метрах молочный туман. Тот самый, с синими прожилками. Живой газовый хищник. Самая большая опасность на Выворотке. Посланник подталкивает недоумевающего солдата на территорию завода. После чего оба быстро заваливают дверь камнями. За ней – разочарованный стон.

Но и здесь опасность. С завидной скоростью роботы устремляются к людям. Цепи на пилах вращаются, отменяя малейшие сомнения в их намерениях. Может, удастся прорваться мимо этих чудовищ за счет ловкости и быстрого бега? Вот только бежать посланнику трудно. Хорошо, что солдат молниеносными передвижениями отвлекает роботов на себя и те сосредотачивают все усилия на поимке более верткой жертвы. Но час такой погони вымотает кого угодно. А ведь удалось пересечь только половину территории завода. И солдат находит подходящую ловушку для монстров. Огромная платформа подвешена на большой высоте. На нее с соседних конструкций ведут три шатких мостика. Роботы уже плавно двигаются по ним, а солдат замер в центре. Там как раз крепятся уходящие в небо тросы. Солдат продел под мышки веревочную петлю и со спокойной улыбкой ждет железных монстров. Когда те достигли отметки невозвращения, изо всех сил дергает проржавевший рычаг. Платформа резко проваливается вниз. Высвобожденные тросы со звоном зазмеились в стороны, и один из них рассекает уже натянувшуюся веревку.

Солдат успел лишь приветственно махнуть Гермесу, оцепеневшему от переживаний. Подняв в воздух горы пыли, песка и красной ржавчины, платформа рухнула вниз. Сотрясая все мироздание. Соседние конструкции со скрежетом, визгом и грохотом стали заваливаться во вздыбившееся облако пыли. Погребая под собой все живое и неживое. Острой жалостью ударило по сознанию: не то чтобы поговорить, даже голос солдата услышать не удалось. Как, впрочем, и женщины. Ведь крик ужаса – это не голос.

Еще час Гермес пробирался чуть ли не на ощупь. И только благодаря путевказующей интуиции наткнулся на точно такую же дверь, которую солдат разгромил с другой стороны завода. К немалому удивлению, изнутри ручка была. Хоть и пришлось повозиться с открытием.

А снаружи оказался совсем иной мир. И по усилившемуся зуду в руках Гермес понял: именно здесь он должен передать депешу. Отыскивая взглядом дорогу в нужном направлении, он не сразу заметил группу людей, стоящих возле него рядом. Люди со страхом смотрели на оставленную открытой дверь и с недоверием на отряхивающегося от пыли посланника. Пришлось им в нескольких фразах пересказать о действиях солдата и заверить, что роботов больше не стоит бояться.

А затем снова бег к виднеющейся полоске дороги. На счастье, она оказалась с ровным покрытием. Лайтара тоже не подвела. И уже через час Гермес торжественно протягивал депешу Отмеченному Властью человеку. Никто иной не мог коснуться запечатанного послания. А если бы и попытался это сделать, сразу бы исчез в клубке ослепительного пламени.

Отмеченный не спешил принять депешу. А по его глазам становилось понятно, что он предвидел подобное развитие событий и оно ему категорически не нравится. Но что поделать! И вот уже сильная, но трясушая рука вскрывает послание. Моментально ужесточившие

черты лица. Лишение последней надежды. И громкий, отстраненный от всяких эмоций голос. О том, что их герой погиб. И долгая, полная тишина после этих слов.

Странный мир. Огромная толпа вокруг вся окаменела от горя. Почти у всех на глазах слезы. Но ни рыданий, ни стенаний или проклятий. Просто молчаливая покорность судьбе.

Первым заговорил Отмеченный Властью. Все здесь готово к... Суровый муж запнулся, не в силах вымолвить правильное слово... К тризне. Хотя готовились к пиршеству. Пригласил посланника тоже поесть за общим столом. Предложив предварительно освежиться после дальней дороги. Заплаканная девушка подхватила Гермеса под локоть и увлекла вовнутрь величественного здания. А через полчаса он уже прохаживался между неимоверно обильно накрытыми столами. Многие люди не ждали приглашений, ели, пили, тихо между собой переговаривались. Скорей всего здесь не в ходу была велеречивость и излишняя помпезность, присущая тризнам других миров. Но тихий шепот, стук приборов и звон бокалов навевали такую тоску, что даже думать о пище не хотелось.

Поэтому Гермес продолжал прохаживаться по залам до тех пор, пока не наткнулся на Отмеченного. Посланнику в любом мире разрешалось задавать вопросы тоже любые. Поэтому он поинтересовался такой глубиной грусти. Ведь даже в печали можно найти некоторое утешение при помощи музыки, например. В ответ последовало утверждение, что вряд ли кто из их народа в такой день сможет удержать в руках инструмент. Разве что сам посланник попробует. И на чем умеет? Только на пианино и гитаре? О первом инструменте Отмеченный Властью имел лишь общее понятие, а вот о втором высказался положительно. И тут же по раздавшейся просьбе его личная гитара была вручена в руки посланника.

Гермес вначале долго рассматривал необычный инструмент, который с тыльной стороны был выпуклым. Но больше всего вызвали непонимание пересекающиеся зигзагами по всей длине грифа полоски золотистой стали. Проходя над отверстием резонатора, они расширялись, сливаясь чуть ли не в единую полосу. Они и близко не походили на струны. Но как же на таком играть? Заметил устремленные на него взгляды, решил попробовать. Ведь если ЭТО называют гитарой, значит, играть на ней надо приблизительно в том же ключе.

Играть Гермес начал, просто обозначая аккорды на грифе и слегка касаясь подушечкой большого пальца полоски над резонатором. Звук раздался на удивление не гитарный. Нечто сводное между свирелью, флейтой и скрипкой. Как ни странно, но через какое-то время звуки сложились в весьма грустную мелодию. А посланник, воодушевляясь, играл все с большим умением. Но в один из моментов он почувствовал, что зигзаги под пальцами левой руки на грифе лопнули в нескольких местах. И мелодия резко стала меняться. Пугая звуком рваным, напористым и сокрушающим. Словно свежий ветер без спросу ворвался в помещение.

Неожиданно на плечо посланника легла тяжелая рука, остановившая импровизацию. Отмеченный отвел Гермеса в сторону и извиняющимся тоном попросил больше не играть. Уж слишком странной оказалась звучащая музыка, а для некоторых присутствующих даже чересчур веселой. Посланник лишь недоуменно пожал плечами, пояснив, что гитара скорей всего расстроена. Конкретно указав на появившиеся трещинки в зигзагах. Возникшее на лице Отмеченного изумление вытеснило даже вселенскую скорбь и печаль. Он долго и пристально рассматривал свой инструмент, бормоча, что такую гитару невозможно расстроить. Для этого надо быть либо жутчайшим варваром, или беззаветно любить музыку. Но ведь не может обычный, пусть даже с уникальными способностями посланник настолько любить музыку!

А Гермес музыку не просто любил. Он ее обожал. И если случались короткие перерывы в работе, всегда дома первым делом усаживался за рояль. Причем он не играл что-то конкретное, нет! Он просто любил извлекать звуки. Любые. Особенно странные и негармоничные. Мать чуть ли не падала в обморок от его изысков. Отец сразу же испарялся из дома. Старшие братья и сестры разругались с ним навсегда. А ближайшие соседи поднимали звуконепроницаемые перегородки. Но ругань и упреки ни к чему не приводили. И желание обучаться академически

тоже не появлялось. Ни одного сочувствующего или пытающего как-то объяснить непонятное увлечение не находилось. Кроме одного человека. В последний год младший брат всегда старался находиться в музыкальной комнате. И слушать, как старший брат пытается извлечь нечто из несчастного инструмента. Его даже силой не могли оттуда вытащить. А уж тем более угрозами отдать на принудительное лечение. Зато после «концерта» младший братишка прямо-таки подпрыгивал от восторга, а потом еще несколько дней ходил задумчивый и сосредоточенный. И недавно выдал странную фразу. Мол, рояль – это полная ерунда! Мать, сурово сдвинув брови, нравоучительно заметила, что если еще и большой оркестр начнет играть такую же какофонию, то мир развалится на осколки. А отец с улыбкой добавил, что и на пастушьей свирели, при таланте, можно сыграть самые гениальные произведения. Младший брат не возражал, лишь пожал своими угловатыми плечами подростка. Добавив, что он еще над этим тщательно подумает. А думать он умел и любил. Да так думать, что все его наставники, профессора и учителя буквально на руках его носили и сдували малейшую пылинку. Видимо, потакая разрастающейся и болезненной мании величия.

Сейчас Гермес вспомнил о младшем брате и непроизвольно улыбнулся. При виде такого кощунственного отношения к постигшей их печали Отмеченный Властью содрогнулся. Вначале. А потом задумчиво предложил поиграть в уединении. Дабы никому не мешать, да и самому развлечься до нового Призыва. Вот только сможет ли посланник сыграть? Ведь то, что у них имеется, и инструментом назвать нельзя. Деловито проведя посланника через значительную часть города, Отмеченный на ходу пересказывал историю таинственного создания уникального предмета, который мог извлекать музыку, любые звуки и даже то, чему никогда не находилось определения. Когда он привел посланника в почти открытый огромный амфитеатр, то услышал опасения, что вдруг музыка опять не понравится горожанам. Тогда Отмеченный лишь успокоительно похлопал посланника по спине. Звукоизоляция не позволит никому вне этих стен услышать что-либо.

А само творение неизвестных мастеров поражало в первую очередь зрение. Круглый стол, в центре которого дыра для человека. Вокруг дыры по поверхности всего стола – хрустальное покрытие различной толщины. И уже на этом покрытии в экзотическом беспорядке лежали самые разнообразные предметы. В большинстве своем напоминающие раскрытые бутоны цветов, слегка перекрученные плафоны светильников, развешанные на подставках бусы, расставленные в беспорядке шары, призмы и пирамиды. Причем все это переливалось мерцающим, различным по оттенку цветом. Отмеченный, с несолидной для себя поспешностью, прополз под столом на четвереньках и встал в центре. Некоторое время он пытался вспомнить точки прикосновения, а затем короткими касаниями указательных пальцев сыграл незатейливую мелодию из пяти нот. При этом его лицо озарилось такой гордостью, словно подобные симфонии кроме него никто и никогда не играл. Хотя почему не играл? Играли! Много музыкантов опробовали здесь свое мастерство. Очень многие. У кого как получалось. Кто и таких нот сыграть не мог. А один до того доигрался, что здесь же и с ума сошел. Правда, перед умопомрачением стал у него вырисовываться некий ритм в композиции. Но, видимо, не смог приручить инструмент до конца. Так и умер через год, со счастливой улыбкой и пуская слюну. Что? Конечно, никто не хочет Гермеса запереть в сумасшедший дом! Еще чего! Тут за всю историю несколько посланников свои умения показывали. Подурачатся несколько часов и бросают это дело. Хотя все признавали – невероятно интересная штука. После таких заверений Отмеченный поменялся местами с посланником и устался на него в ожидании.

С чего начать? Гермес погладил хрустальное покрытие и сам же содрогнулся от шемящего душу стона. Коснулся в другом месте, и послышался говор лесного ручейка. Нажал на призму – раздалось размеренное уханье большого барабана. А вот эта грань плафона исторгла звуки аккордеона. В то же время со стороны продолжались сыпаться инструкции. Оказыва-

ется, любой звук может повторяться с нужным интервалом и сколько угодно времени. Надо только постараться удержать эту команду в памяти. Сила прикосновений тоже играет большую роль. Не всегда это – простое усиление звука. Чаще – переход на новый инструмент и большую численность. Там эхо, вот это все – специальные эффекты. По историческим данным еще и пол должен светиться какими-то особыми пятнами, но живых свидетелей такого явления не осталось. Даже видеть их лично Отмеченному Властью не удалось.

Затем еще с полчаса за Гермесом пристально наблюдали. Тот, нисколько этим не смущаясь, совершал невозможные в последовательности движения и упивался раздававшейся какофонией звуков. Каждый раз с восторгом вслушиваясь в незнакомые обертоны. Отмеченный успокоенно вздохнул и стал прощаться. Пояснив, что и он в молодости точно так же баловался. Что довольно-таки безобидно. Посланник понял, что здесь просто элементарно опасаются за уникальное творение и проверяют любого желающего за ним постоять. Обидеться, что ли? Оказалось, что не стоит этого делать. По тем же историческим данным, инструмент невозможно повредить. Так категорически заявил Отмеченный Властью перед своим уходом. И отправился на тризну.

Теперь Гермес уже без всякого надзора принялся за свои сумасбродные экспромты. Чего только он не делал! Разве что ногами не стучал по изящным и хрупким лепесткам, прозрачным плафонам и разноцветным геометрическим фигурам. Постепенно пришло осмысление, что у совершенно круглого инструмента есть левая и правая стороны. Затем стала вырисовываться непонятная связь между любой точкой на одной прямой, ведущей от музыканта наружу. Причем не только перпендикулярно к окружности, но и наискосок. Через некоторое время обнаружилось, что большинство точек реагировали лишь на одно воспоминание о них. А еще через два часа посланник стал впадать в транс. И даже не заметил, как пол под его ногами озарился цветовыми вспышками.

Независимо от сознания, а может и вопреки ему, Гермеса унесло. Далеко. Высоко. Туда, где еще никто не бывал. Туда, где обитает лишь нечто неподвластное и необъяснимое. Вокруг него грохотал прибой и пели птицы. Слышалась колыбельная, и взрывались вулканы. Скрежетали недра, и самозабвенно заливался соловей. Песни всех влюбленных сплелись в сказочный венок, а стенания всех несчастных перешли в скорбный шепот. Грохот всех водопадов не заглушал журчания даже маленького родника. Звук раскрывающихся цветочных бутонов перекрывал все звуки и грохот войны, пожаров и ураганов. И над всем этим властвовал детский, жизнеутверждающий смех.

А потом Гермес замер. Застыл, сраженный бессилием. И на долгое время оглох от обрушившейся на него тишины. Мир звуков перестал для него существовать. Он с удивлением смотрел на свои израненные пальцы. На свою кровь, забрызгавшую почти каждый предмет на грандиозном инструменте. На сотни тысяч людей, до предела заполнивших крупнейший амфитеатр. На их рты, открытые в беззвучных криках восторга и радости. На улыбки, искрящиеся глаза и вздымающиеся в приветствии руки. Лес рук. Океан рук. Безбрежный океан рук. Потому как верхний край амфитеатра сливался со сферой. Но даже на самой сфере, прямо над его головой тянулись к нему руки с летательных платформ, собравшихся со всех концов Вселенной.

И понял Гермес, что отныне он не посланник. А кто-то совершенно и кардинально иной. Вот только кто именно?

Хохочущий Шилимбо

Более жизнерадостного человека, чем Петр Губанов, вряд ли можно было отыскать во всем мире. Причем его непомерная веселость очень часто принималась окружающими за сумасшествие. Да еще в тяжелой форме. Та экзальтированность, с которой Петр воспринимал любую неординарность жизни, выливалась в громкий и несдержанный хохот в любом месте, в любое время дня и ночи и в любой обстановке. Ко всему прочему Губанов и сам умел так остроумно пошутить, что вполне мог сделать карьеру самого популярного артиста разговорного жанра. Единственное, что его при этом подводило, так это собственный... смех.

Ведь если шутка получалась удачная, то Петр первым складывался от гомерического хохота, и как бы зрители тоже ни корчились от такого зрелища и глубины рожденной экспромтом шутки, наступал момент, когда смеяться становилось больно, а то и вредно для организма, у которого могли и тормоза отказать. Что и подтверждалось часто подмоченной ниже пояса одеждой.

Зато сам Петр мог смеяться сутками напролет. При этом еще и острить, непревзойденно шутить или едко высмеивать тех, кого угораздило попасть в его прицел внимания. Чем и доставал любого врага, радовал своих многочисленных друзей и веселил всех оказавшихся поблизости зрителей.

Жил он бедно, но сносно. Как говорится: за звездами не гонялся, но и голодным спать не ложился. Помимо своей жизнерадостности Губанов отличался полным презрением к компьютерам и телевизорам. А все свободное время, которого у него была уйма, уделял чтению литературы. Вот только не каждая литература его радовала. И не то чтобы он не читал классиков, читал! Но делал это лишь с одной целью – найти в произведениях великих авторов нечто веселое и довести этот момент в своем воображении до абсурда. А потом долго и продолжительно смеяться...

Но чаще всего он сразу брался за книги, от которых ухохатывался на любой странице и на любой строчке. Такими книгами являлись сборники анекдотов, монологи известных юмористов и фэнтези. Причем фэнтези любая: от самой лучшей и популярной, до захудалой и никем не читаемой. Достаточно было Петру прочесть строчку: «В тот же момент бесстрашный хоббит нащупал в подпространстве нить и с ее помощью переместился в самую гущу схватки диких троллей со светлыми эльфами», как его до самой глубины пронзал радостный смех, прерываемый время от времени выкриками:

– Короткий! Волосатый! Нить он нащупал! И прямо в схватку?! Да еще с троллями! Дикими?! И эльфами? Светлыми?!... А хоббит твою мать! Вот чудеса-то!!!

Немного успокоившись, Губанов переводил взгляд на другую строчку, запоминая словосочетание: «Беспощадный Палач вдруг почувствовал в своей оболочке возродившуюся душу и возблагодарил Триединого: – Спасибо, господи! Теперь я смогу убивать врагов веры без надоевших мне сомнений!» и раздражался новым взрывом смеха.

– Палачу душу вернули! И кто?! Трижды единый! Ну теперь-то он порежет всех исчадий ада на лапшу!!! А вина-то их какова? Лишь одна: они не там родились! Вот бы этого автора в руки такого же палача!!! Тоже бы еретиком умер! Не иначе!!!

Вот так и жил Петр Губанов до своего тридцатилетия. И именно в день его третьего юбилея и свершилось неожиданное и таинственное происшествие. Уже собравшись выходить из дому на встречу с друзьями, именинник заметил по часам, что время раннее и полчаса у него в запасе имеется. А посему решил себе поднять настроение, которое и так никогда не опускалось даже до нахмуренной брови, небольшим отрывком очередного фэнтезийного опуса. Удобнее усевшись в кресле, новорожденный открыл накануне купленный роман наугад и ткнул пальцем в первую попавшуюся строчку.

«Черт шумно выдохнул, и в воздухе ощутимо запахло паленой серой». И тут же книга задрожала в его руках от сотрясаемого смехом тела:

– А если бы он пил тройной одеколон?! Да и какой из читателей поверит, что от козлогорого пахнет именно серой?! Скорее навозом!!!

Затем его глаза пробежались еще по одной строчке: «Конечно, – согласился черт. – Договор будем подписывать кровью».

От резко накотившего хохота Губанов вытянулся в кресле струной и стал сползать на ковер. Даже обязательные комментарии на этот раз не могли прорваться сквозь шумные вздохи для набора новой порции воздуха. Лишь разок проскользнуло слово:

– ... Кровью?!!!

Несколько минут новорожденный хохотал на мягком ковре, лишь сумев кое-как встать на четвереньки. Но за это время что-то странное произошло в комнате. По неясным признакам в помещении вдруг ни с того ни с сего появилось эхо. От этого стало еще смешней. Но и эхо усилилось тоже. Тогда Петр попробовал осмотреться и протер глаза, залитые слезами. Его взгляд тут же выхватил из обстановки новую деталь: в противоположном кресле сидело странное существо и громко смеялось. Вернее издавало звуки, очень похожие на смех. Но его лицо с бородкой и короткими рожками среди кучерявых волос выглядело серьезным. Отсмеявшись и над этим явлением помутненного разума, Губанов наконец приложил определенные усилия и таки забросил свое тело в кресло. И даже смеяться перестал. Почти. Да и эхо стихло. Тоже почти. Но лишь только пальцы собрались раскрыть подхваченную книгу повторно, как взгляд на всякий случай опять проверил противоположное кресло. И о, чудо! Уродец продолжал там сидеть как ни в чем не бывало. Мало того, по всей видимости, он и уходить не собирался. А присмотревшись к его ногам-копытцам, Петр осознал, что перед ним не кто иной, как обыкновенный, хоть и сказочный, сатир.

– Сатир?! – выдохнул Петр ошарашенно.

– Сатир! – подтвердило создание скрипучим голосом. А нашему герою много и не надо было: он только и успел выкрикнуть:

– Сатира мать!!! – как невероятные судороги веселости опять вытянули тело в дугу, затем свернули в баранку и безжалостно сбросили головой на пол. Благо, хоть ковер был нормальной шерстистости. Лишь минут через пять Губанов смог попросить:

– Ты только на меня серой не дыши!!! – и вновь подавился приступом смеха. Через три минуты даже тренированное тело именинника не выдержало судорожных сжатий и, собравшись с силами, поползло к туалету. Оттуда Петр уже вышел на своих двоих и, счастливо всхлипывая, обратился к никуда не исчезающему существу:

– Слышь, козлик, которого бабушка сильно... ха-ха-ха! Извини, остановиться не могу... Тебя потрогать можно?!

– Нельзя! – рассердился неизвестный пришелец.

– А почему?

– А потому, что перед тобой царь всех сатиров! Хохочущий Шилимбо!

И столько торжественности было в интонации козлогорого, что Петр, никогда в жизни ни кому не веривший на слово, поверил. Не до конца, конечно, но замереть от удивления все-таки смог.

– А чем докажешь, что ты царь?

– А тем, что пришел тебе дать много денег.

– Да ты не царь! Ты – юморист! – грохнул Петр новым взрывом смеха. Вся дальнейшая беседа так и происходила под громкий хохот Губанова и под нервный смешок царя сатиров.

– Да нет! Шилимбо никогда не врет! И чтобы убедить тебя, давай договоримся о сумме. Хочешь миллион?

– Даже в евро?

– Без проблем!

– А почему только миллион? Хочу десять!

– Принято! Ты заявил о желании иметь десять миллионов евро!

В тот же момент за спиной козлоногого появилось огромное табло, на котором загорелись огненные цифры: 10 000 000.

– Стоп, стоп! – стал более тщательно обдумывать происходящее Петр. – А что, уже сумму изменить нельзя?

– Опять-таки не могу говорить неправду, а жаль... – Шилимбо тяжело вздохнул и стал с явной неохотой признаваться: – Можно, но только в сторону... повышения.

– Да?! – обрадовался именинник. – Тогда уж давай округлим до ста миллионов. Чего мелочиться?

– Принято! – воскликнул козлоногой и засмеялся. Но как-то радостней смех у него стал получаться, чем раньше. В тот же момент на табло добавился один нолик.

– Но сразу предупреждаю, убивать, воровать и подписывать что-либо кровью я ничего не буду! – при этих словах Губанов гордо задрал подбородок. – И с фальшивомонетчиками связываться не желаю.

– А и не надо! Есть, конечно, несколько условий, как же без них. Но они касаются чисто технических сторон получения богатства, и ты их решишь без проблем. И не смейся так счастливо: трудности у тебя все-таки будут!

– Я вообще не пойму, за какие такие заслуги мне обещают несметные сокровища?

– Все очень просто! – Шилимбо выставил руку вперед и стал загибать свои пальцы с налакированными ногтями. – Во все времена я был самым великим и радостным смеяльщиком. И по праву стал царем среди сатиров. Но в последнее время ты так достал своим хохотом наш мир, что мне, Хохочущему Шилимбо, пришлось срочно принимать меры. И я решил избавить тебя от самой мысли смеяться. И тем более смеяться радостней, чем я.

– А палача почему не послали?! – Петр представил, как его пытаются смехом, и в бессилии стал вытирать сочащиеся из глаз от смеха слезы.

– Нет такого у нас влияния на вашу действительность, – признался царь сатиров. – Но я нашел другой выход: очень большие деньги или их отсутствие навсегда должны лишить тебя радости жизни.

– Скорей наоборот: я только и буду смеяться над тобой всю свою оставшуюся жизнь!

– В вашем мире такое невозможно: еще ни один сильно разбогатевший человек не стал более веселым. Со временем ты сам поймешь и подтвердишь эту аксиому. А если ты не сумеешь воспользоваться своим богатством, то...

– То тогда опять останусь прежним и буду еще больше радоваться жизни! – перебил его Петр, от хохота елозя ногами по ковру.

– ... То тогда сожаление разъест твою натуру, словно кислота, разъедающая хлопковую ткань. Это тоже теоретически доказано и проверено длительной практикой.

– Ага! Что-то я такое подобное читал... Про украденный смех, кажется? И ты хочешь мой смех забрать себе за большие деньги?

– Нет! Мне хватает своего смеха. А вот твой раздражает и мешает.

– Ну ладно, коли так. – Петр, пошатываясь, встал с кресла и решил: – Давай свои деньги и свободен. А то меня друзья заждались в пивбаре. Праздник ведь...

– Хорошо! Но как не имеющий возможности соврать, хочу сразу напомнить: сумму ты можешь увеличить... – И столько надежды послышалось в голосе сатира Шилимбо, что Петр, пожалуй, впервые в своей жизни внутренне насторожился. Либо царек козлоногой явно помешан, либо здесь кроется какая-то ловушка. Поэтому он сказал без малейшего колебания:

– Мне и ста миллионов за глаза хватит. Давай!

– Не так сразу! – захихикал Шилимбо. – Вначале решим два технических вопроса передачи денег, а потом я тебе расскажу условия их получения. Итак, вначале назови два кодовых слова, после произнесения которых определенная машина из подпространства станет подавать тебе деньги.

– Слова могут быть любыми?

– В любом сочетании!

Петр пробежался взглядом по комнате и наткнулся на любимый плакат, на котором сшибались две стенки регбистов. На переднем плане виднелся быкообразный игрок, на майке которого красовался сорок второй номер.

– Сорок два! – выпалил Губанов, не задумываясь.

– Принято! – и в тот же момент на светящемся табло появились слова «сорок два». – Теперь довожу до твоего сведения, что евро мы тебе можем доставить в одном эквиваленте: монетой в один евро. Хотя понимаю твоё стремление иметь всю наличность пятисотенными купюрами. Но! Тут уж все зависит от машины, а печатать фальшивки она не будет. И просто будет выдергивать одноевровые монеты по всему миру и собирать тебе. Осталось только назвать скорость, с какой монеты будут падать из подпространства. Например, одна или две монеты в секунду.

Что-то в этой технической формальности Петру не понравилось ещё больше, и он стал рассуждать вслух:

– Так ведь они падать будут, небось, всю ночь! Всех соседей перебудят. А соседи у меня и так почему-то слишком нервные. А если я назову скорость, менять потом можно будет?

– Можно. Но... лишь в сторону уменьшения! – нехотя признался Шилимбо.

– Тогда пусть будет – сто монет в секунду! – для остроты ощущений выдал Петр. – Грохотнет пару минут – и тишина...

– Принято! – голос у сатира стал таким, словно он сжевал три лимона без сахара. Лишь светящееся табло живенько так высветило в третьей строчке: «100 евро в секунду». – Менять на уменьшение будешь?

И опять в голосе царя послышалась надежда. Губанов со всей скоростью своего более чем скромного математического таланта пытался хоть примерно высчитать время выпадения в осадок ста миллионов. Но мозги явно давали сбой: в ответе получались какие-то несуразные цифры. В душе он уже предвкушал, как он будет гомерически хохотать, когда выяснится, что все это просто талантливый розыгрыш друзей, приуроченный ко дню рождения. Поэтому равнодушно махнул рукой:

– Пусть так и остается!

– Подтверждено! – после этого восклицания Шилимбо рядом с первым вдруг появился второй экран, и царь козлоногих сатиров стал перечислять условия, которые должен был выполнить Петр Губанов. Лишь только гость называл очередное условие, как оно тут же вспыхивало искрящейся строчкой на табло и замирало ровным свечением.

– Первое: никто из людей не должен увидеть ни самого процесса появления денег, ни самих монет в течение суток после того, как ты станешь их владельцем. Второе: ни один человек не должен оказывать тебе помощь или знать о том, что ты получаешь деньги. Третье: монеты ты должен принимать лично в сложенные лодочкой ладони. Четвертое: ни при каких обстоятельствах ладони не должны разойтись. Если это случится, поток иссякнет и уже полученные монеты исчезнут.

– Как же это?! – воскликнул Губанов от возмущения. – Ведь столько монет у меня ни за что в ладонях не поместится!

– Ты главное руки держи! Монеты будут туда падать и пересыпаться через край. А с пола ты их позже соберешь.

– Тогда я готов! – Петр сложил ладони вместе и только собрался произнести словосочетание «сорок два», как царь Шилимбо расхохотался:

– Постой! Так ведь совсем не будет интересно! Я просто обязан сказать правду: впереди у тебя еще сутки. За это время ты можешь все продумать и подготовить. И учти: мы будем за тобой следить постоянно!

– Зачем?

– А чтоб смеяться!!! – и козлоногий сатир так захохотал, что хозяин квартиры вздрогнул от неожиданности. Впервые он видел себя как бы со стороны. И впервые подумал так о постороннем существе: «Наверняка он полный идиот! Или сумасшедший!»

А Шилимбо немного успокоился и пояснил:

– Может случиться и так, что деньги станут невидимы и неосязаемы любому живому существу, кроме тебя. Если ты не исполнишь условия. Но тогда мы будем смеяться еще громче. При этом деньги всегда будут с тобой в любых количествах и по первому же твоему зову. Даже если ты сможешь ими пользоваться после соблюдения всех условий.

– Как это?

– Тоже все с помощью подпространства. Деньги будут всегда рядом с тобой. Но видеть их никто не сможет, кроме тебя. И нащупать, повторюсь, тоже. Поэтому, если ты станешь богатым, тебе будет достаточно протянуть руку и взять монеток сколько надо. А если ты проиграешь, то всю свою жизнь будешь видеть утраченные тобой капиталы. И даже пересчитывать их руками! Но! Кроме тебя ни одна живая душа их не ощутит и не увидит.

– Здорово! Это ж мне и банка не надо будет! Но если я буду тратить деньги, то куча постепенно будет уменьшаться?

– Конечно, проживешь – увидишь! А сейчас мне пора! – царь козлоногих стал постепенно растворяться в воздухе.

– А если у меня еще вопросы какие возникнут?

– Решай их сам по мере поступления! – нагло заржал Шилимбо.

– Так я тебя уже и не увижу? – забеспокоился неизвестно отчего Петр.

– Увы! Только услышишь!.. Когда мне будет очень смешно! Да и тебя наверняка друзья заждались...

– Точно! – воскликнул Петр, бросая взгляд на часы. – Я ведь уже на полчаса опоздал!

Но когда он снова повернулся к своему гостю, от того только и осталось что почти невидимое туманное облачко. Но и оно рассеялось легким дуновением сквознячка через секунду. Губанов помотал головой, глянул на себя в большое зеркало и расхохотался от своего озабоченного вида.

– Вот так люди в дурку и попадают! Твою сатира мать! – прокричал он на бегу и раздражаясь новым приступом смеха. Слетев по лестнице, он выскочил на улицу и замер на короткое время, с удовольствием втягивая в свои легкие порцию свежего воздуха. И в тот же момент отчетливо услышал смех Хохочущего Шилимбо. С неба. С минуту Петр стоял, затаив дыхание, а затем схватил за рукав озабоченного пенсионера.

– Извините! Вы слышите этот дикий смех сверху?

Прохожий скользнул взглядом по небу, смешно пошевелил ушами и буркнул, вырывая свой рукав:

– Вам показалось!

«Ага! Значит, сразу после пивной направляюсь на обследование! – решил Губанов и уже двинулся в нужную сторону, как новая мысль пришла в его голову: – А вдруг мне и в самом деле этот визит не примерещился? Уж больно царек выглядел натурально. Но с другой стороны: с чего это ему меня делать богачом? Неужели я ему так своей веселостью мешаю? А кто их там знает! Скорей всего просто поиздеваться решил. И условие какое-то дал явно невыполнимое. Ведь недаром он до сих пор надо мной смеется...»

Но хохот с неба стал намного тише, а когда Петр решительно повернулся и стал возвращаться в дом, то и вообще замолк.

«Вот оно что! Шилимбо явно не заинтересован, чтобы я подготовился как следует!.. Ну и чушь все это! Хотя если табло до сих пор висят в моей комнате... Надо проверить! А если висят, то и обдумать все тщательно».

Когда он вернулся домой, то первым делом присмотрелся к светящимся табло. Их ничего не держало, никакие провода к ним не подходили, и рука проваливалась сквозь них словно через обычную пустоту. Хихикая над проносящимися в голове вариантами предстоящего чуда, Петр прошел к столу и достал из ящика старый калькулятор. Уселся в кресло и стал подсчитывать:

– Так! Сто миллионов. И звучит-то как! Делим на сто... Ха! Всего миллион секунд остается! Теперь... Минута – шестьдесят секунд. Час – шестьдесят минут. Перемножаем... Три шестьсот. А теперь делим лимончик на три шестьсот и получаем: сколько часов будет в мои руки падать дождь... Хм! Че-то я ошибся... Внимательно! Так... Опять – то же самое! Что за ерунда?!

Но и последующие вычисления давали один и тот же результат: двести семьдесят семь часов и семь десятых!

– Ах, вот оно что! – забежал по комнате Губанов в радостном озарении. – Вот где собака с рожками зарыта! И верно: какой человек чуть ли не двенадцать суток сможет держать ладони ковшиком?! Ха-ха! И помогать нельзя! Ни пить, ни есть подать... Ой! Умора: ни на горшок сходить!!! А спать-то как?! Ну, Шилимбо! Твою мать козлоногую!!! И как хитро меня на сотню лимонов раскрутил?! Жадность меня подвела! Взял бы один... Хотя нет, почему один? Десять!!! И ляля! Посидел бы на горшке и на диете чуть более суток – и смейся над придурком рогатым! Так ведь нет – теперь он надо мной потешаться будет!!! Так мне и надо! На большой каравай – хавло не разевай! А если бы по три евро в секунду заказал?! У-у-у-у-у!!! Издох бы от старости!

Так он бегал с восклицаниями и смехом довольно долго. Но вдруг неожиданно остановился у светящегося табло. Ожесточенно почесывая голову. Затем стал рыться в ящиках стола, выудил на свет пять монет достоинством в один евро и обычную линейку. И приступил к скрупулезным измерениям и подсчетам. И опять результаты его изумили и подбросили из кресла:

– Сто!!! Почти сто шесть кубических метров! Да мой дом рухнул бы к чертям собачьим! Даже вес подсчитывать не надо! Ну, Шилимбо! Хитросделанный козел! Правду он говорит... Хотя... Я же не спросил: сколько этот кошелек будет весить? А почему? Ясно – почему: кто бы на моем месте в такое поверил? Да никто!

Но чем больше Петр Губанов размышлял, тем больше склонялся к выводу, что рискнуть все-таки стоит. Пусть это даже глупый розыгрыш, но и тогда будет лишний повод посмеяться несколько месяцев. А если после кодового словосочетания монетки не начнут сыпаться, всего-то и делов! Можно тоже сразу начинать смеяться. Вот только подготовиться к такому событию стоит тщательно. Да так, что бы потом не было мучительно больно за бесцельно потраченные сутки, которые надо употребить на подготовку. Просто повезло, что до бара не добежал. Сейчас бы наклюкался, вернулся бы домой, сложил бы ладони по пьяной лавочке и... Адьес лимонес! Привет шизонес! Ведь прав козлохвостый: жизнь явно потеряла бы массу своей привлекательности после того, как дом завалился или монеты стали бы сыпаться через лопнувшие окна на улицу.

Раз определенное решение принято – осталось лишь воплотить его в действие. Даже ночью Петр умудрился сделать массу нужных и необходимых мероприятий. А самое главное – занял точно подсчитанное количество денег. С утра он позвонил на работу и взял отпуск за свой счет на две недели. Затем через цепочку друзей и знакомых арендовал огромный, в три этажа подвал старой поликлиники, которую собрались через месяц сносить. Еще несколько

часов ушло на закупку всего необходимого. Затем час на то, чтобы забаррикадироваться изнутри подвала, обезопасив намечаемое богатство от постороннего взгляда. Была, правда, и вторая дверь. Из толстого и почти нержавеющей железа, но арендатор убедительно доказал, что ключи от нее давно утеряны. А разбить ее можно лишь несколькими снарядами. Петр ему поверил, но перестраховаться не отказался. Изнутри он подпер железную дверь несколькими бревнами. Да еще и зафиксировал их концы намертво.

И лишь потом приступил к оборудованию намеченного гнездышка. Для этого над лестницей, круто уходящей вниз, он соорудил деревянный помост. На нем установил стол, несколько кресел, стульев. Поверх всей мебели он разложил теплые одеяла, подушки и несколько валиков. Ведь спать придется скорее всего сидя в кресле или лежа в лучшем случае на столе, а менять положение тела надо будет довольно часто, даже во сне. Хорошо хоть не зима лютая во дворе, а то бы без подогрева не обойтись. Но в подвале и так всегда сыро и прохладно. Так что мерзнуть не хотелось.

Затем вооружился массивным ломом и отправился в небольшое помещение санузла, которое располагалось чуть в глубине верхнего этажа подвала. Именно из-за действующего туалета Петр и остановил окончательный выбор на этом месте. Хотя маленькая комнатка грозила наполниться монетами в течение первых же посещений, но выход был придуман моментально: пробить пол прямо перед унитазом. Что Губанов и сделал за каких-то сорок минут. Теперь дыра, дышащая сыростью, чернела огромной пустотой. Но зато давала уверенность, что в нижней комнате хватит места для доброго десятка кубометров монет. Для слива воды была сделана специальная петля из проволоки, и достаточно было нажать на нее ногой, словно на педальку.

Для того, чтобы впоследствии садиться на унитаз, Петр придумал и приготовил специальную одежду в виде балахона, но с большим разрезом сзади. То есть с занятыми руками не придется расстегивать ремень и снимать штаны. Вот только невозможность одной обязательной обычно процедуры будущий миллионер воспринимал с содроганием. Ведь не день все-таки и не два придется обойтись без туалетной бумаги. А по большому счету без мыла и теплой воды. Умывальник, конечно, был. Да и зубную пасту приготовил, но как оно получится на практике, предположить не мог. Мечтая хоть иногда пожевать пасту во рту и пополоскать таким раствором зубы.

Далее Петр приступил к размещению продуктов. С водой получилось проще всего. Сорокалитровый бачок из нержавейки разместился на удобной подставке в углу помоста. Чистую воду из него он намеревался пить с помощью двух надежно закрепленных у горловины и опущенных длинными концами вниз резиновых шлангов. Потянул из шланга – и отдыхай. Хотя на первое время и было приготовлено несколько бутылок лимонада, из которых торчали пластиковые трубочки. Твердую пищу в виде колбас, окорока, хлеба, сухарей, печенья и даже фруктов он разместил на специально приделанных по контуру настила полках. А большинство так вообще повесил на веревках. Подобная предусмотрительность была проявлена из-за попискивающих в глубине подвала крыс. Несколько часов, в том числе и одни электронные, были размещены по всему периметру ярко освещенного гнездышка. Десяток самых любимых книг из жанра фэнтези приготовил для чтения возле специальной подставки. И даже провел тренировку: взять книгу зубами, положить на подставку, открыть подбородком, а потом перелистывать носом.

На тонком металлическом тросике повесил к потолку рюкзак с неприкосновенным запасом. По расчетам, рюкзак должен был пригодиться в последние сутки, когда надо будет только охранять сокровища. В рюкзаке находился полный комплект вещей и продуктов, пригодных для выживания в любой местности в течение нескольких дней. Да фляга со спиртом.

В оставшийся час перед «Великим Стартом» Петр раскрыл принесенный с собой термос и в последний раз перед длительным перерывом съел несколько порций наваристого и горя-

чего борща. На второе – блюдо, приложившись к тефтелям, залитым грибным соусом. Отменный ужин придал ему обычное расположение духа и привычную веселость. Даже намеченную сигарету Петр решил не выкуривать: все равно решил бросать. А вот в санузел сходил в принудительном порядке. Проверив напоследок его работоспособность.

Затем, поглядывая на стенные часы и сверяя их показания с наручными, медленно и торжественно надел на руки сшитые плотно по ребру ладони перчатки из толстой кожи, встал над уходящей вниз дырой и выставил соединенные таким образом ладони вперед. Громкий крик разнесся по сырому и огромному подвалу:

– Шилимбо! Я готов! Если ты меня обманул, то умрешь от моего хохота! Обещаю!

Тут же эхом послышался далекий хохот. А Петр рассмеялся в ответ:

– СОРОК ДВА!

В первые две секунды невероятного напряжения ничего не произошло. Но затем в ладони ударила такая тугая струя монет, что от неожиданности Губанов наверняка бы расставил ладони. Его выручили предусмотрительно сшитые перчатки. Еще с десятков секунд он очумелыми глазами смотрел на сверкающий водопад, а потом так расхохотался, что непроизвольно попятился и сел в кресло. Поток монет последовал за его руками, переполняя сжатые ладони и мелькающими потоками скрываясь в глубинах подвала.

– Шилимбо! Дружище! Прости меня за неверие: ты действительно говорил правду. Хоть... Все равно ты порядочный... царь!!!

Эйфория получаемых денег совсем отпустила последние тормоза и сосредоточенность Петра Губанова. Его экзальтированность выплеснулась наружу и слилась с потоком звенящей и заволакивающей стали. Несколько часов он не замечал ни времени, ни своего состояния. Лишь в глазах все больше и больше мельтешило от сверкания, да в горле все больше пересыхало от непрестанного смеха.

Именно горло и вернуло к действительности. Пить захотелось ужасно. В ход сразу же пошла одна из бутылок с лимонадом. Заодно губы подхватили твердый сухарик, и рту нашлось более интересное занятие, чем исторгать лишь смех и хохот. А Петр стал экспериментировать. Опустил руки вниз. Струя так и продолжала бить в ладони строго им перпендикулярно. Руки чуть согнул в локтях. То же самое. Стал ближе подносить к лицу, присматриваясь, откуда берутся монеты. Но так и не понял. В какой-то момент даже показалось, что они вылетают из носа, но дальше продолжать не хотелось.

Затем, сидя в кресле, помаленьку перевернул ладони лодочкой книзу. Эффект оставался прежним. Разве что напор монет перестал давить так внушительно. Чем Петр сразу же и воспользовался. Улегся спиной на стол, закинул руки над головой и заснул с блаженной улыбкой победителя. Тем более что прошлую ночь он так глаз и не смыкал. Ему снились дальние края, круизные лайнеры и невероятные по роскоши особняки. А почему бы и нет?

Через восемь часов он проснулся бодрый, хоть и немного помятый неудобной позой. Оставляя за собой хвост из сверкающих монет, словно комета Галлея, совершил утренний променад и приступил к завтраку. Затем долго смеялся над очередным фэнтезийным опусом автора, с явно больной и извращенной фантазией. Там по сюжету скрещивали эльфов с гномами и пытались получить новую породу драконов. Потом обед... Ужин... Сон... Хотя спать он своему организму не запрещал в любое время. Наплевав на режим и здоровый образ жизни. Завтрак... Обед...

Сон... Ужин... Сон...

Неприятности начались на шестой день. Одна из колбас покрылась белой плесенью, но съесть ее было надо в первую очередь. По расчетам. А что такое плесень? Пенициллин! Вот Петр ее и приговорил на завтрак... А под вечер желудок-то и зашалил. Вследствие чего долгое время поток монет сыпался вниз через другую дырку. Но обнаглевшие в последнее время крысы воспользовались этим моментом продолжительного затишья для массовой атаки

на съестные припасы. То ли в подвале засыпались все их основные норы с питанием, то ли выходов больше не осталось, но наглые твари в последнее время подбирались к настилу все ближе и ближе. Когда Петр, словно Олень Золотое Копытце, прискакал в свое гнездышко, оттуда сыпнуло с десятков серых бестий. Что толку было швырять в них монеты ногами? Часть пищи была безвозвратно утеряна. Да еще и нечитаную книгу умудрились изгрызть. Хотя обрывки после этого читались еще с большим азартом и интересом. Да и Хохочущего Шилимбо Петр упорно старался не слышать.

На седьмой день пришлось зубами перепрыгивать оставшуюся пищу на время непрекращающихся походов в туалет. Желудок хоть и успокаивался, но продолжал беспокоить. Помимо этого все тело стало невыносимо чесаться. Особенно в местах особо нуждающихся в личной гигиене. У Петра даже возникли некие подозрения на маленьких совсем существ, но если крысы их могли занести на одеяла, то откуда могли взяться еще меньшие? Ведь по странному стечению обстоятельств за две недели до своего последнего дня рождения Губанов прошел очередное обследование и ни с одной женщиной с той поры близко не общался. Несущийся откуда-то из дымоходных стволов смех усилился.

На восьмой день, когда Петр полоскал зубной пастой рот, по неосторожности целый рой монет низвергся в миниатюрный умывальник. И тот уже к вечеру засорился намертво. Шилимбо это тоже изрядно повеселило. Перчатки на краях стали протираться, и сквозь дыры стали видны покрасневшие участки кожи. Видимо, где только монеты по миру не собирали!

На девятый день раздражение тела стало переходить в постоянное жжение. В связи с чем Губанов додумался пустить воду в умывальнике, усесться на горку монет в раковине и хоть таким образом провести частичное омовение. В первый раз у него получилось просто превосходно. Во второй – еще лучше. А вот в третий... Умывальник рухнул под тяжестью евронесущего тела, и Петр только чудом не получил тяжелой травмы. Но вот хлынувший в сторону поток денег неимоверно удачно, сразу и навсегда забил унитаз. Впервые в своей жизни Губанов еле сдерживался, чтобы не заплакать от грохочущего хохота осатаневшего от радости Шилимбо. Но затем представил, какой смешной фильм смотрит где-то царь козлоногих, и сам тут же разразился ответным истерическим смехом.

Первая половина десятого дня прошла в стойких мучениях и борьбой с длительным воспитанием. Но потом Петр плюнул на условности, вспомнил о несчастной жизни отсталых обитателей своих любимых книжек и выделил для нужд организма один из углов. Но когда увидел, что металлические деньги тут же засыпают дурно пахнущие места, философски решил просто впоследствии не брать оттуда ни одной монеты. Мол, мне и так хватит!

Мало того, он стал замечать за собой, что смотрит на евро если не с омерзением и безразличием, то уж с полным равнодушием точно. И часто подумывал: «Оно мне надо? Сидел бы себе сейчас с ребятами в нашем любимом месте. Пил бы пиво. Приставал бы к телкам. И ржал бы до опупения! А сейчас?! Весь в дерьме и презренном металле! Купил меня коварный Шилимбо! Купил!» Руки стали неметь и почти потеряли чувствительность. Возникали обоснованные предположения, что на остаток жизни они так и останутся искривленными и... сложенными.

На десятый день случилось самое страшное и непоправимое: погас свет. В разгар обеда. Петр долго и бесполезно попытался узреть расширенными глазами электронные часы и запоздало пожалел, что не догадался вставить батарейку. Хотя, может, это явление временное? Но прошло несколько часов, и стало ясно: свет отключили бесповоротно и до конца света. Но Петр мечтал лишь об одном: чтобы завтра ретивые строители не начали сносить здание.

– Два дня я продержусь! – убеждал он себя вслух. – А уж последние сутки без труда покараую свое богатство! Жаль, фэнтези читать не смогу. Но... я ведь помню лучшие перлы дословно! Как там: «она подбрасывала в руках кусок первородного пламени, и трепещущие вампиры белели от страха».

Новый взрыв смеха перекрыл несущийся из дымоходов хохот Шилимбо.

Одиннадцатый день прошел в странных галлюцинациях. Хорошо хоть ходить далеко не надо было в туалет. Но чувство реальности стало пропадать из мироощущения Губанова.

Последние сутки начались чуть ли не трагически. Произошло страшное: Петр плакал и жалел о том, что он родился на этот свет. Вернее: в этот густой и жуткий мрак. Несколько раз он подходил к своей баррикаде с неодолимым желанием вырваться на волю и прекратить этот кошмар. И каждый раз его останавливало лишь одно: ярость на смех хохочущего Шилимбо. Каждый последний час казался сутками. Каждая последняя из минут тянулась вечностью.

Но вдруг звон прекратился. Именно поэтому Петр догадался об окончании всего процесса – сто миллионов евро находилось у него под ногами.

Прилипшие остатки рукавиц отдирает от рук минут пятнадцать. Изредка попивая водичку да смеясь все с большим облегчением. Затем в полной темноте с большим трудом достал-таки невероятно высоко подвешенный рюкзак с НЗ. Зажженная свеча показалась солнцем. Не так уж ярко светящийся фонарь – чуть вообще не лишил зрения. А извлеченная с радостным визгом фляга со спиртом стояла в тот момент гораздо больше, чем груды металла в отсыревшем подвале.

Первым делом Губанов развел спирт и выпил добрых полкружки. Затем разделся догола и вымылся ледяной водой под краном. Щедро поливая сверкающие груды монет смываемой с тела грязью. Еще полкружки спирта вернули тело к нормальному кровообращению. Одевшись в сухое и чистое белье, Петр набросился на тушенку с сухарями. А уже через три часа распевал песни самого различного толка. А потом заснул, даже забыв о крысах.

Проснулся от какого-то назойливого скрежета. Посветил на часы: до конца оговоренного срока около сорока минут. И побрел на поиск источника подозрительных звуков. Оказалось, они исходят от массивной и железной двери. Кто-то ковырялся ключом в замочной скважине! Надо же! А ведь утверждали, что ключ потерян! Петр прильнул к щелке у косяка и прислушался. Оказалось, что старый сторож, работавший здесь когда-то прежде, проходя мимо, услышал за дверью странный звон и решил проверить, что там в подвале творится. Видимо, по старой привычке пенсионеру не спалось по ночам и тянуло на свои прежние места боевой молодости. Вот он и решил доискаться причины таинственного звона. Но так как центральная дверь не поддавалась из-за внушительной баррикады, то старик вспомнил о гигантском ключе, который завалился у него дома. И решил проверить-таки подвал через другую дверь. И сейчас он с каким-то своим престарелым собутыльником лил смазочное масло в скважину и время от времени пробовал повернуть ключ.

«Пробуйте олухи старые, пробуйте! – радовался Петр, давясь от смеха. – А вот бревна вы никаким тараном не вышибете! А мне – пять минут осталось до полного счастья!!!» Каково же было его удивление, когда после щелчка замка дверь дернулась и со страшным скрипом открылась... наружу!!! И лучи яркого солнечного утра осветили мрачный подвал с горами монет по одному евро. Петр Губанов превратился в статую. Он не мог ни кричать, ни дышать, ни, как обычно, смеяться. Стариков тоже вначале чуть кондрашка не схватила, но потом до них донесся идущий от Петра запах перегара, и самый деловой из них презрительно сморщился:

– Да ты, парень, бомж?! Тоже нашел, где прятаться. Мать родная, а нагажено как почти в каждом углу! Смотри, друга, как бомжи живут, а ведь вон там туалет есть...

– Так ведь свет-то отключили, вот он в темноте и бродил...

Случилось самое страшное: старики не видели ни одной монеты... Вот почему Шилимбо стал смеяться еще громче! Так все устроил, что и победить невозможно было. Никогда! Никому!

– А вы хохот слышите? – странный вопрос из уст окаменевшего Петра, похоже, испугал-таки стариков не на шутку. Они ругнулись, разворачиваясь, и поспешили от греха подальше. Ведь никто не захочет связываться с умалишенными. Губанов лишь скорбно улыб-

нул... и сам зашагал за стариками следом. Лишь пройдя два квартала, оглянулся, да так и замер с вывернутой шеей: вся гора денег... перемещалась за ним следом. Все сто миллионов! И чистые, и загаженные, и мокрые от непонятной жидкости... Уже догадываясь, что все это значит, Петр нагнулся, взял полную горсть монет и швырнул их под ноги прохожим. Ноль внимания! Хоть монеты и отскакивали от каменных стен и тротуаров, весело звенели, но... Никто в целом мире их не видел! И не слышал! Кроме одной-единственной живой души – Петра Губанова.

ПРОШЛА НЕДЕЛЯ...

Разгоряченный мужчина вихрем ворвался в сонную атмосферу пивного бара. Ему навстречу удивленно повернули головы еще человек шесть такого же возраста. В глазах у всех читались тоска, скука и ожидание. А от того, что они услышали, их лица стали светлеть и расплываться в улыбках.

– Ребята! Петька нашелся! И все так же хохмит и веселится! Мало того: он вчера в казино невероятную сумму выиграл на автомате! И приглашает нас всех к нему на работу! Говорит: дело есть на сто миллионов! Айда за мной: нас лимузин ждет!

Алкоимитатор

Вначале кратко о нашей компании. Впрочем, кратко – вряд ли получится. «Таких еще поискать надо!» Так говорила о нас моя мама. Правда, добавляя при этом одно слово: «Разгильдяев!» Но так как это слово мне не нравится, то я о нем даже не вспоминаю. Тем более что теперь моя мама так нас назвать и не посмеет. Слишком уж все изменилось.

Наша компания – это восемь человек. И самых дружных в мире. Даже моя мама с этим соглашается. За последние три года не было ни одного дня, который бы мы не провели вместе. А это уже что-то да значит. Где вы найдете такую компанию? Восемь разных людей, с разными взглядами, с разным воспитанием, с разными характерами и экспрессивностью. И каждый день вместе! И нам никогда не было скучно. Мы даже ни разу не ссорились между собой за последние три года. Если, конечно, не считать того, что две красивые женщины между собой разговаривают лишь в одном случае. Но об этом чуть позже. Так как это совершенно не мешает нам всем понимать друг друга с полуслова и дружно смеяться над удачной шуткой или нехилым приколом. Иногда мы можем и массово помолчать. Даже не задумываясь о причине. Просто сесть и думать каждый о своем или... вообще ни о чем не думать. И так при этом легко и просто! Слово во сне или в потустороннем мире находишься. Кайф!

Нет, вы не подумайте, что мы там какую заразу заглатываем или колемся. Здесь мы полные и непоколебимые консерваторы! Ни-ни!

А вот выпить иногда что-нибудь этакое всегда не возражаем. Но опять-таки – не в ущерб здоровью и разуму. Никогда мы не перебираем лимитные дозы и ведем себя вполне благоразумно. Здесь даже мама сильно удивлялась: «Подумать только, целыми днями сидят со стаканом и ни разу никого не стошнило! В любой момент, когда бы я ни наведалась!» Она, между прочим, знает, что говорит: работает администратором в ресторане и за свою жизнь ТАКОГО насмотрелась! Рассказать – нескольких лет не хватит!

Ну а наша компания окончательно сформировалась три года назад. Именно тогда я познакомился со своей девушкой, и моя холостяцкая жизнь окончилась. Естественно, что мы обошлись без загса. Не хватало нам еще в наши отношения государство впутывать. Оно и так на нашей шее сидит, за наш счет свои бюрократические аппараты размножает. А простые люди от этого только страдают. Нам всем об этом прекрасно известно! Благодаря моей маме... Она ведь все знает. И часто нам проводит политинформации. Раз в месяц. А может, и реже? Да неважно! Главное, что мы всегда в курсе, какая власть у руля и откуда ветер дует. Хотя если честно, то нам глубоко наплевать и на выборы, и на партии, и на их программы развития или тормоза. Главное – это мы! Народ! В конце концов, как мы захотим, так и будет. А власть имущие всегда будут выполнять нашу волю! И последние события – весьма наглядные для этого свидетельства.

Но не буду перескакивать, лучше обстоятельно и по порядку. Костяк нашей компании составляют четыре персоны. Знакомые между собой долгие, долгие годы. Даже не хочу напрягаться по поводу количества этих лет. Может, столько вообще не живут? Достаточно сказать, что мы учились в одном классе. А до этого несколько лет ходили в один детский сад. То есть сами понимаете: за столько лет если мы не поубивали друг друга в наших детских и юношеских играх, то о нас можно не волноваться. Всегда уладим трения без помощи родителей, профсоюза или управдома. Именно поэтому мама о нас и не беспокоится. И прощает нам почти все уже не детские шалости.

Теперь о каждом подробнее. О себе рассказывать много не собираюсь, пусть другие хвалят. Скажу только, что зовут меня Евгений, рост сто семьдесят восемьдесят сантиметров, вес семьдесят шесть килограммов, стройный, подтянутый, спортивной наружности. Лицо без бракованных элементов, очень приятное и располагающее. Основная специальность: компьютер-

ный житель. Поднаторел я в этой технике до гениальности. Могу зарабатывать приличные деньги, не выходя из дому. Пишу вдобавок электронную музыку, и мои хиты находятся на передовых местах среди себе подобных. В общем, полный самородок... Ой! Чего это я? Ведь решил, что хвалить себя некрасиво? Да-а... А что делать прикажете, если так оно и есть?

Второй наш одноклассник – это Серега. Его я тоже хвалить не собираюсь, так как мы с ним соперники почти во всем. Конечно, у каждого разная профессия и отношение к жизни. Но мы всегда спорили и пытались выяснить: кто добивается большего. И подсчитывали: кто же растет потенциально. Мама всегда настаивала, что наш спор беспредметен и не стоит раздавленного яйца. (Или выведенного? По-моему, все-таки раздавленного! А может, выведенного?) Но другим нашим друзьям всегда было интересно до такой степени, что мнения выдвигались самые противоположные, и делалось это порой голосом самым истерическим. Любое наше действие или поступок рассматривалось под углом общечеловеческой ценности и после шумных обсуждений вписывалось в актив или пассив.

Третий человек из нашей... Ой! Вроде как нечестно получается... Про Серегу вообще ничего не сказал... Так вот, коротко, как и обещал. Закоренелый холостяк, нытик, поэт, пессимист, гитарист, совсем не верит ни одной женщине, тощий, маленький, издал всего несколько сборников своих стихов, много курит, иногда даже напивается, а все его авторские песни вполне уместились на один диск. А я так вообще удивляюсь: кто этот диск так быстро раскупает? Вот и все. Могу только добавить, что Серега мой лучший друг и за него любому глотку перегрызу. И грыз... бывало! А один раз Серега меня спас. Некий отморозок бросился на меня сзади с топором, что-то ему не понравилось, а мой дружок, несмотря на маленький росток, прыгнул нападавшему на шею и вцепился, как клещ. Тогда мы дружно того отморозка пофутболили. Так что история помнит и совместные наши выступления. А в повседневной жизни мы во всем соревнуемся.

Опять к третьему возвращаюсь, вернее, к третьей. Ибо она женщина и зовут ее Таисия. Но так солидно мы к ней не относимся и поэтому всегда зовем просто Тая. Да и женщиной считаем только условно. Для нас она до сих пор самая лучшая подружка, в которую мы попеременно влюблялись долгие и долгие... надо же! Ведь уже упоминал об этих годах! Но точно помню, что это именно я обратил на нее внимание еще на детской горке в детском садике. Даже пропустил вперед... На пятый или шестой раз. Она уже тогда была, как огонь, и не замолкала ни на минуту. У Сереги, естественно, совершенно другие воспоминания, но это уже никому не интересно. Тая регулярно заигрывала по очереди с каждым из нас и потом так же регулярно обрывала наши ухаживания предложениями о вечной дружбе и братских отношениях. В итоге она добилась своего: иначе как к сестре мы к ней не относились. Только надо добавить, что как к самой горячо любимой сестре! Не иначе. А вообще Тая в нашей компании часто играла роль громоотвода. Стоило обстановке накалиться, как она тут же перебивала, спрашивала о совсем противоположном, выстреливая сто двадцать слов в минуту. И через короткое время мы уже смеялись и не помнили, о чем собственно шла речь ранее. Она работала финансистом в одном из весьма процветающих в наше совсем уж нелегкое время банков. Описывать внешность Таи я не стану. Могу только смело утверждать, что она является эталоном красоты и мечтой каждого мужчины.

Ну и четвертый наш одноклассник, Вовчик. Наш «пуп Земли». Моя мама так его назвала уже очень давно, и, гляди-ка, ее пророчества сбылись. Хотя при ее работе администратором ресторана просто жизненно необходимо сразу же разбираться в людях. А мы никогда и не сомневались, что Вовчик действительно выдающаяся личность. Прошу только не путать со всемирно известным Вовочкой, героем прикольных анекдотов и жутко смешных жизненных историй. Хотя про нашего друга тоже можно порассказать немало. Вокруг него столько происходит! Ужас! И смешного, и прикольного, и таинственного. Ведь недаром возле таких людей все греются... А может, подпитываются энергией? Ибо наш Вовчик не что иное, как высоко-

производительный генератор идей. И каких идей! Из-за его последней всю планету лихорадит. Но опять я опережаю события. Облик Вовчика очень симпатичен: курчавая бородка обрамляет худощавое, интеллигентное лицо. Из-за этой бородки наш одноклассник очень похож на какого-нибудь шейха. Нос немного с горбинкой, остроконечный. И глаза: очень добрые, большие, блестящие и завораживающие. Он бы вполне мог работать гипнотизером, если бы подучился. Но не захотел. Ибо полностью отрицал в себе наличие подобных способностей. Зато остальные способности развивал бессистемно и хаотично. Достаточно только сказать, что он за восемь лет проучился в четырех институтах! По четырем специальностям! И ни один не закончил. Да что там не закончил! Даже до середины не доходил! И профессии-то какие выбирал! Физик, математик, дегустатор и социопсихолог! Таких гуманитариев еще называют: консультант-социолог по общественным отношениям. Поступал поочередно на каждый факультет, переворачивал там все с ног на голову и с большим шумом уходил. К удовлетворению деканов и недовольству сокурсников и учителей. Так как относиться к Вовчику с равнодушием было нельзя! Попросту невозможно! Либо во всем поддерживать, либо всему сопротивляться. Но что удивительно, очень многие преподаватели его очень любили и любят до сих пор. Про это может говорить то, что они так и продолжали с ним поддерживать деловые и творческие отношения. Всегда что-то для него делали, в чем-то помогали, что-то доставали. И заметьте: полностью безвозмездно! Это при любви нашей-то профессуры содрать с каждого студента недостающий эквивалент преподавательской зарплаты! А, насколько мне известно, многие еще и помогали нашему пупу Земли. И очень хорошо помогали. Может, поэтому мы никогда и не были стеснены в средствах?

Да, да! Я говорю именно о нашей всей компании. Как ни странно, мы все жили одной дружной коммуной. Все шло в общий котел, а тех, кого такое положение не устраивало, среди нас просто не существовало. Не прижились, видимо.

Конечно, кто-то что-то иногда зарабатывал, приносил, готовил, доставал. И не последнее место в нашей сытой жизни играла моя мамочка. Но основные средства все-таки шли к нам с помощью нашего генератора идей. Мало того, наши спонсоры порой прекрасно знали, что именно мы проедаем и пропиваем выделенные кем-то денежки. Но не расстраивались, а почему-то радовались. Как по мне, то Вовчик все-таки использовал некие способности гипнотизера. Не иначе! Мы даже спорили не единожды на эту тему, но к моим веским аргументам явно не хотели прислушиваться, и я оставался со своим мнением в меньшинстве. И зря! Ведь последние события дают дополнительный повод укрепиться в моей правоте.

Ага! Надо ведь вернуться по времени и объяснить, как все-таки образовалась наша коммуна. Вернее, где. Ибо место довлеет над человеком, а уже потом человек довлеет над всем сущим. Да и без жилплощади никакой компании не организовать. Есть, конечно, парки, кафе, дискотеки, клубы, библиотеки, пляжи, выставки, музеи, аттракционы... Стоп! Хватит! Всего очень много, к чему перечислять-то? Так и до маминого ресторана идти недолго. Короче: мест есть бесчисленное количество. Но нам всем нравится квартирный уют. Чтобы все свое! Ну, или «наше». Неважно, главное – постоянное, привычное и милое сердцу.

Так вот. Пять лет назад вся наша большая четырехкомнатная квартира досталась мне. И я стал ее единственным и полноправным хозяином. К этому привело последовательное стечение очень различных обстоятельств. Самыми первыми покинули квартиру мои бабушка с дедушкой, родители моего отца. Они купили себе малюсенький домик на берегу моря и уехали туда, подальше от городского шума, выхлопных газов и людской толчеи. Это было лет десять назад.

Через два года и мой отец переехал на иное место жительства в соседний город. Избавившись от опеки консервативно настроенных родителей, он решил изменить свою жизнь второй женитьбой. Ссылаясь на то, что, мол, дети уже взрослые и вполне самостоятельные. Самое пикантное, что он женился на одногодке моего старшего брата. Брат привел однажды

на вечеринку свою невесту с подружкой, и отец каким-то образом умудрился в эту подружку влюбиться. Да еще и добился полной взаимности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.